

Константин Бальмонт

ЗАРЕВО ЗОРЬ

Всем тем, в чьих глазах отразились мои
Зори, отдаю я ответ их очей.

К. Д. Бальмонт

ДОЧЕРИ НОЧИ

ДОЧЕРИ НОЧИ

У Ночи две дочери есть,
Одна в серебристых вуалях,
Другая – в лазоревых далях,
Нарядов обеих не счесть.

Но все же одна предпочла
В покрове быть звездно-сребристом,
Другая же в золоте чистом
И в смехе огнистом светла.

Одну Вечеряжкой зовут,
Проходит она по высотам,
И меда не ищет по сотам,
Не холит в саду изумруд.

Другая же любит кусты,
Ее называют Утрянка,
Проснется она спозаранка,
И гонит пчелу на цветы.

И звезды – служанки одной,
Готовят ей серьги, запястья,
Готовят высокое счастье
Быть избранной в безднах – Луной.

И слуги другой суть цветы,
Сплетаясь златым хороводом,
Готовят ей чашечки с медом,

И Солнце зовут с высоты.

Утрянка пьянеет в лучах,
С зарей засыпает хмельная,
И тут выступает другая,
И светятся звезды в очах.

ОТ ЗОРЬ К ЗОРЯМ

В час, как в звонах, и светло,
Солнце в первый раз взошло,
Чудо-Древо возросло.

Свод листвы его широк,
Каждый новый день – цветок,
Ал – расцвет, но краток – срок.

В час, как Солнце в первый раз
Засветилося для нас,
Вспыхнул мрак, и вновь погас,

И от света отойдя,
Тучей стал, гнездом дождя,
Бродит, небо бороздя.

Ходит, бродит, часа ждет,
Сеет дождь, и сыплет лед,
Снегом доли обоймет.

Но, рассыпав снег и град,
Дождевой сплетя наряд,
Мрак уходит в пышный сад.

Сад – Закат, цветок – Восток,
В каждой зоре – уголек.
Вечен свежих зорь поток.

Зори к зорям – берега,
Изумруд морей – луга,
Дождь – живые жемчуга.

Лед – сияющий алмаз,
Снег – опал, пуховый час,
Зори – в зори вводят нас.

ПЧЕЛЫ

Пчелы, пчелки золотые,
Молодые птички Фей.
Ваши крылышки – литые,
Из серебряных ключей.
Ваше тельце – золотое,
Из церковного цветка.
Раз в молитвенном покое
Раздавался звон стишка, –
Между фейных колоколен,
Между маленьких церквей,
Шел молебен, богомолен,
Голубой молебен Фей.
И от духа неземного
Фимиамных тех кадил
Цвет раскрылся, цветик снова,
Целый лес цветочных крыл.
И одни из них остались
На земле, среди стеблей.
И другие закачались
Вдоль серебряных ключей.
Чуть водицей насладились,
Задрожали, гул пошел, –
И в летучих превратились,
В фейных птичек, в звонких пчел.

ТКАЧ

Я ткач, я напевная птица,
Пленен я искусными гнездами.
Во всем мне желанна зарница,
Везде внесена мной светлица,
С лазурными юными звездами.

Я тку золотые улыбки
На лицах еще не целованных,
И ножки мелькают как рыбки,
И ручки, воздушны и гибки,
Трепещут в руках заколдованных.

СОЛНЫШКО-ВЁДРЫШКО

Солнышко-Вёдрышко, Красная Девица ходит по синему полю.
Ходит по Небу, а смотрит на Землю, хочет сменить свою долю.
Будет, сказала, мне синего поля, хочется мне изумруда.
Солнышко-Вёдрышко с Неба уходит, хочет спуститься оттуда.

Красная Девица сверху нисходит, алый сильнее румянец.
Воды на Море от радости пляшут, белый затеяли танец.
Рощи и доли в цветах золотятся, сердце распелось у птицы.
Красная Девица вся покраснелась, к Ночи готовы – зарницы.

АЛАЯ ПАРЧА

Солнышко красное, взгляни из-за горы,
Солнышко-вёдрышко, мы вышли из норы.
Норы нам зимние прискучили теперь,
К Солнышку хочется, в Зиме разбита дверь.

Видело ль, Солнышко, ты Красную Сестру?
Тут она румянилась даже ввечеру.
Встретила ль Братика красная Весна?
Зори тут нежные пестила она.

Видело ль, Солнышко, ты Ведьму-Зиму,
Старую Ягу, возлюбившую тьму?
Увидела лютая, что талый есть снежок,
Стужу собирать пошла, затискала в мешок.

Встретила Красную, скорей от ясной прочь,
Стужу рассыпала, провалилась в ночь.
Ночь разорвалась, и тает на луче,
Ты показалась в алой нам парче.

СРЕТЕНЬЕ

На Сретенье встречаются
Две женщины в лесу.
И Солнце расцветается,
Увидя в двух красу.

Две женщины те смелые –
По-разному во всем.
Одна – как птицы белые,
Другая – цвет цветком.

Чуть две врагини встретятся, –
В лесу зачнется бой,
И глубь огнем отметится
В палатке голубой.

Одна врагиня – снежная,
Метели за нее.

Другая – сказка нежная,
Цветы хранят ее.

И слышны заклинания
Из-за горы – горы.
И долгие стенания
Кружатся до поры.

Идет метель, свирепится,
Другая с ней метель.
Да вдруг к ним цвет прилепится,
Да вдруг поет свирель.

Метели осыпаются,
Как вишенье, на льду,
Врагини вновь встречаются,
Подругами – в саду.

ВОЗНЕСЕНЬЕ

И рада б Весна вековать вековушкой,
На святой многолесной Руси.
Да придет Вознесенье, блеснет, и Весна закукует кукушкой,
Запоет соловьем – и проси не проси,
Зарыдает она соловьем перелетным,
Улетит.
И куда вознесется в полете своем беззаботном,
Мы не знаем, но нам, улетаю, блестит,
И роняет жемчужное пенье,
Где-то там, вот и тут.
Все весенние цветики в день Вознесенья
Полноцветно цветут,
И под песню Весны как девицы себя наряжают,
Потаенной молитвой на небо ее провожают,
И горят, и горят,
Размышляя, что где-то небесный есть Сад.

ОТ ПТИЦЫ К ПТИЦЕ

Ласточка день начинает весенний,
Летнюю ночь завершит соловей.
Пенься, мгновение, будь многопенней,
Свежих мгновений нам, Ветер, навей.

Ранняя ласточка – год нам счастливый,
Слезы зимы до последней доплачь.

Тешиться будем разливчатой нивой,
Ночью затынет скрипящий дергач.

Жавронок вызвенит песни хрустально,
Скажет кукушка, жить много ль нам дней.
Мы приобщимся к Земле изначально,
В осень же спросим про все – журавлей.

ГODOВАЯ БЕСЕДА

Как у нас радостны – лето и май,
Озимь стелются – словно Дунай,
Ночью прозрачной – воздушно и тихо,
Рожь зацветает, в посевах гречиха.

Волосы дыбом приподнял ячмень,
Шепчут овсы, улыбается день,
Лен голубеет, все нивы – как Море,
Небо с Землей – в годовом разговоре.

ГРЕЧИХА

Если весной в лугах и в лесу
Много цветов голубых,
Пышная будет гречиха.
Эту приметку тебе я несу,
Эту приметку влагаю в свой стих,
Спой колдованья напевов моих,
Спой их молитвенно-тихо.
Синим глазком посмотри на лужок,
Синий там выглянет новый цветок.
В вешнем лесу будь самою собой,
В грезе застынь голубой,
Много там вспыхнет цветов голубых,
Где-то медвяно засветит гречиха,
С нежностью лунных расцветов своих,
Мы же, душою, вдыхать будем их,
Тихо так, тихо так, тихо.

МАЛИНОВКА

Малиновка, зорюшка,
Когда ты спозаранка

Летаешь близ домов,
Мы ждать должны громов.
Малиновка, малиновка,
Как красный отсвет жив!
Малиновка, малиновка,
Тоскует море нив!
Малиновка, малиновка...

ОГНЕБАГРЯНКА

Расцвела в лесу огнебагрянка,
Целый день сверкает как светлянка,
К ночи затемняется светляк,
И в ночи он пьет, листьями, мрак.

Но едва за гранью кругозора,
Горные засветятся озера,
Отдаленность воспривавши чар,
Вновь живет, горит цветок-пожар.

<1912>

УЗОРНЫЙ САРАФАН

Осень ходит, леса расцветила: —
«Я поля в сарафан наряжу».
А Зима проворчала уныло: —
«Под холстину я их положу».

Ветерок пролетал. Покричали.
А шутник целый гул развернул.
«Как мне Осень прикажет», вначале,
А потом — «Как Зима», он шепнул.

Завилял, закрутился, двуличный,
И завел на полгода метель.
Глянь, грачи, вместе с пташкой различной,
Заплясали тут Март и Апрель.

Потеплели под утро туманы,
В сердце сладкою веет Весной.
И по всей-то Земле — сарафаны,
И какой их узор — расписной.

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Осень обещала: «Я озолочу».
А Зима сказала: «Как я захочу».
А Весна сказала: «Ну-ка, ну, Зима».
И Весна настала. Всюду кутерьма.

Солнце золотится. Лютик – золотой.
Речка серебрится, и шалит водой.
Разлилась на воле, залила луга,
Затопила поле, стерла берега.

Там, где не достала – лютик золотой,
Желтый одуванчик, будет и седой.
Осень обещала. Помогла Весна.
Ну, Зима, пропала, хоть была сильна.

БЫЛИНКИ

Во мне запела двойная сказка,
Я слышу в роще звенящий зов.
Зеленоглазка и Синеглазка,
Хрустальность детских двух голосов.

«Ау!» кричу я, «Ау» зову я,
«Ау!» двойное звучит в ответ.
К одной спешу я, мечтой целую,
Беглянка скрылась, простыл и след.

Мечтой целую, к другой бегу я,
И голос нежный уж недалек.
Но только стебель глядит, колдуя,
И синий где-то, вдали, цветок.

ЛЮБИТЬ

Как сладко и больно любить!
Где игры хрустального детства?
Где звон, что звучал с малолетства?
Где жемчуга цельная нить?
Как сладко и больно любить!

Вот, где-то звенит колокольчик.
Меж трав, где чуть можно ступить,
Заставленный яствами столик,

Для Феи звенел колокольчик,
Пропел голубой колокольчик,
Но Фее так хочется пить...
Как сладко и больно любить!

Светлянке так хочется пить,
О, как же, о, как же ей быть?
Шиповник ей начал кропить,
Кропит ей медвяные росы,
И росы упали на косы,
Медвяные росы на косы...
О, как же, о, как же ей быть?
Как сладко и больно любить!

Примчатся вдруг бальные осы,
И Фею начнут теревить,
У них перетянуты платья,
И горе на них наступить...
О, как же, о, как же ей быть?
Как сладко и больно любить!

ФЕЯ В ЛЕСУ

Фея пошла направо,
Направо в своем лесу.
Говорит: «В цветочках есть слава.
Кому я ее понесу?»

Фея пошла налево,
Налево, меж гор немых.
Говорит: «Я печальная дева»,
«Кому я спою свой стих?»

Фея легла на травку,
Глядит на сестер-берез.
Слушает птичку-славку,
Роняет дождемки слез.

Вся как синий цветочек,
В голубом сияет огне.
Говорит: «Вот упал листочек.
Только-то? Только-то мне?»

НЕЖНЫЕ

Светлячок и с ним светлянка

Вышли в рощу спозаранка
И что ночь была вначале,
Чуть сияя, означали.
Светлячок и с ним светлянка
Вышли в рощу спозаранка,
И к росе, в траве, припали,
И в опале засыпали.
Но светлянка прошептала:
«Мы светились слишком мало,
Светлячок ты мой сударик,
Разожги скорей фонарик».
Как сияющая ранка,
Разгоралась светлянка,
И, сияя, лепетала:
«Мы светились слишком мало».
Светлячок повиновался,
Расцветался, разгорался,
И, сияя в светлом теле,
Оба нежные сгорели.

ПОДРУГА

У меня была подруга,
Место выбрала близ луга,
Там построила домик,
Очень светлый теремок.

Хмелем дверь свою укрыла,
И, хмелея, говорила:
«Приходи ко мне, дружок,
В мой веселый теремок».

Луг был ярче изумруда,
Свет к нам нежный шел оттуда,
И от вишен шел снежок,
И с подругой был дружок.

Тонкий бисер нанизался,
Пояс легкий развязался,
И упали жемчуга
В изумленные луга.

ПОЙ

Она сказала: «Пой».
И тотчас я запел.

Был сумрак голубой.
И лик Луны был бел.

И вереск-аметист
Лиловел вдоль пути.
Она была как лист.
И я пропел: «Лети».

ЗВЕЗДА ВЕЧЕРНЯЯ

1

Она была мечтой одета,
Светилась в новолунных снах,
И в мерной зыби менуэта
Плыла как лебедь на волнах.

Вся в кружевах, как лебедь черный,
С его узорностью крыла.
А в тот же час, в выси надгорной,
Звезда Вечерняя плыла.

2

Она была из Вальтер-Скота,
Она была и в этих днях.
И в зыби мерного гавота
Плыла как лебедь на волнах.

Вся в кружевах, как лебедь черный,
С его узорностью крыла.
А в тот же час, в выси надгорной,
Звезда Вечерняя плыла.

3

Она была из сказок света,
Из сказок сумрака в лучах.
И как зима вступает в лето,
Вступила в вальс, кружилась в снах.

Вся в кружевах, как лебедь черный,
С его узорностью крыла.
А в тот же час, за мир надгорный,
Звезда Вечерняя зашла.

НОЧЬ НАСТУПАЕТ

Ночь наступает, и сердце свободней.
Если бы ночь продолжалась года.
Если б во тьме мы сходили со сходней,
И восходили опять на суда.

Если б мы плыли по морю густому,
Черному, – зная, что верен наш путь.
Мы бы с тобой позабыли истому.
Это и ждет нас. Уже. Где-нибудь.

ПСАЛОМ НОЧНОЙ

Дом мечтаний начальных,
Сном окутан ночным.
Псалом надежд погребальных
Поем мы, и всходит дым.

Гумна убиты цепами,
Шумный окончился день.
Бесшумная ночь над полями.
Сумрак, дух мой одень.

В ЗАРЕВЕ ЗОРЬ

С сердцем ли споришь ты? Милая! Милая!
С тем, что певуче и нежно, не спорь.
Сердце я. Греза я. Воля я. Сила я.
Вместе оденемся в зарево зорь.

Вместе мы встретили светы начальные,
Вместе оденемся в черный покров.
Но не печальные, будем зеркальные
В зарево зорном мерцающих снов.

<1910>

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАРЯ

Я вижу свет моей зари последней.

Она вдали широко разлилась.
Безгласный звон. Мольбы цветной обедни.
Псалмы лучей. Предвозвещенный час.

И служба дня сменяется вечерней.
Встает Луна, и паутинит нить.
Чтобы душе, где пытки – равномерней,
Для всеобщей смирившей светить.

ДВОЙНАЯ ПЕРЕВЯЗЬ

Я верю в светлое начало,
И знаю правду темноты.
Во мраке Ночь меня качала,
Чтоб Дню я показал цветы.

СУТКИ

Тик-так,
Тики-так,
Свет да Мрак, и День да Ночь.
Тик-так,
Свет да Мрак,
День да Ночь, и Сутки прочь.

Тик-так,
Ты – слепень,
Ты есть Ночь, а я есть День.
Тик-так,
Не пророчь,
Я всезрячая, я Ночь.

Тик-так,
Мертвый мрак,
Гроб и заступ, вот твой знак.
Тик-так,
Темнота –
Путь для цвета и листа.

Тик-так,
Все же я,
Значит, я для бытия.
Тик-так,
Свет хорош,
Все же ты во мне уснешь.

Тик-так,
Мы качель,
Вправо, влево колыбель.
Тик-так,
Тики-так,
Неужель могила цель?

Тик-так,
Не пойму,
В свет идем мы или в тьму?
Тик-так,
Тики-так,
Свет и тьму я обниму.

Тик-так,
Тики-так,
Сейте лен и сейте мак.
Тик-так,
День да Ночь,
День да Ночь, и Сутки прочь.

КОСТЕР

КОСТЕР

Дымно-огненный туман
Был основой Миру дан.
Из туманного Огня
Жизнь возникла для меня.

Солнце в атом заключив,
Я упал на горный срыв,
Вырос, крылья распростер,
И зажег над тьмой костер.

Мой костер на высоте,
На верховной он черте.
И вошли в его объем
Ветер, молния, и гром.

ТИГЕЛЬ

Себя я бросил в тигель,

Давно – давно – давно,
Я лесом тонких игол
Себя пронзил – пронзил,

До истощенья сил,
До завершенья мук,
До повторенья мук,
Средь бесноватых рук.

Среди рукоплесканий,
Еще – еще – еще,
В играющем тумане
Огонь горит – горит,

И камень маргарит
Пустыне мировой
Поет, стня: «Я твой!
Возьми меня! Я твой!»

ОСТРИЁ

Я жизнью и смертью играю.
Прохожу по блестящему краю.
Остриё.
И не знаю, кого погублю я,
Ту, кого обожаю, целую,
Или сердце мое.

Вот порвется. Так бьется, так бьется.
А она, наклоняясь, смеется.
Говорит:
Что с тобой? Ты бежал очень скоро?
Ты боишься – за что-то – укора?
Тут – немножко – болит?

Я знаю разъятую рану.
Прикоснись же. Мешать я не стану.
Все стерплю.
Только помни, пока повторяю.
Только верь мне, пока я сгораю.
Я люблю. Я люблю.

ВЫБОР

Коль не изведаль ты вершин
Самозабывшегося чувства, –

Коль не узнал ты, что Искусство,
Самодержавный властелин,
Тебе сказало: «Будь один,
Отъединенным, силой чувства,
От топей, гатей, и плотин!», –
Коль не узнал ты, что считают
Веками время в ледниках,
Что выси горные не тают
И знают только снежный прах, –
Тогда свой беглый час изведай,
Упейся легким торжеством,
А я над дольною победой
Не уроню свой вышний гром, –
Его оставлю я для взора
Того, кто может быть – один,
Вне слов хвалы и пены спора,
В огнях нездешнего убора,
Средь молний, пропастей, и льдин.

МОРСКОЙ

Был светел, – и загашен как свеча.
Был кроток, – и сожжен мой дом над бездной.
Приди же, тьма, и царствие меча,
Вскипай, душа, для музыки железной.

Я сделаюсь разбойником морей,
Чтобы топить чужие караваны
Червлёных, синих, черных кораблей,
Когда они войдут в мои туманы.

УДЕЛ

Я не планета. Судьбы – свиты.
И в безднах Неба, навсегда,
Я лишь комета без орбиты,
Я лишь падучая звезда.

ИЗВИВ

Он прав, напев мертвящий твой,
Но слишком он размерен, –
Затем что мысли ход живой,

Как очерк тучки кочевой,
Всегда чуть-чуть неверен.
Когда грамматика пьяна
Без нарушенья меры, –
Душа как вихрем взнесена,
В те призрачные сферы,
Где в пляске все размеры, –
Где звонко бьются в берега,
Переплетаясь, жемчуга,
Сорвавшиеся с нитей, –
И взор твой, млея и светясь,
Следит, как в этот звездный час,
Плывет пред ликом Бога
Вся Млечная дорога.

ПЕЧАЛЬ

Сквозь тонкие сосновые стволы
Парча недогоревшего заката.
Среди морей вечерней полумглы
Нагретая смолистость аромата.

И море вод, текущий Океан,
Без устали шумит, возвращая дюны.
О, сколько дней! О, сколько стертых стран!
Звучите, несмолкающие струны!

ШОРОХИ

Шорох стеблей, еле слышно шуршащих,
Четкое в чащах чириканье птиц,
Сказка о девах, в заклятии спящих,
Шелест седых обветшавших страниц.
Лепет криницы в лесистом просторе,
Сонные воды бесшумных озер,
Взоры и взоры, в немом разговоре, –
Чей это, чей это, чей это хор?

Не узнаешь,
Не поймешь,
Это волны,
Или рожь.
Это лес,
Или камыш,
Иль с небес
Струится тишь.
Или кто-то

Точит нож.
Не узнаешь,
Не поймешь.
Видны взоры,
Взор во взор,
Слышно споры,
Разговор.
Слышны вздохи,
Да и нет,
В сером мохе
Алый цвет.
Тает. Таешь?
Что ж ты? Что ж?
Не узнаешь,
Не поймешь.

ИЗ-ЗА БЕЛОГО ЗАБОРА

Из-за белого забора
Злых зубов,
В переключке разговора
Двух вскипающих врагов,
Из великого ума,
Где венчались свет и тьма,
Изо рта, который пил
Влагу вещей бездны сил,
Из целованного рта,
Где дышала красота,
Из-за белого забора
Злых смеявшихся зубов,
Я услышал хохот хора,
Быстрых маленьких врагов,
Это были стаи вспышек,
Это были сотни стрел,
Я молчал, но вот – излишек,
Не сдержался, полетел,
На бесчисленность укора
Выслал рой язвящих слов,
В джигитовке разговора,
В степи вольной от оков.

ЛЕС ВИДИТ

Лес видит, поле слышит,
В пути пройденном – след,
Словами ветер дышит,

Успокоенья нет.

В лесу сошлись двое,
И взор глядел во взор,
А Небо голубое
Глядело в тайный спор.

И лес глядел ветвями,
Стволами, и листвою,
И слушал, а полями
Шел ветер круговой.

В лесу был пир цветенья,
Вся алость красоты,
И стали чрез мгновенье
Еще алей цветы.

И лес шуршал ветвями,
И говорил листвою,
И видел, а полями
Шел ветер круговой.

В лесу сошлись двое,
А вышел только я,
Свершилось роковое,
Кровавится струя.

Лес видел, в поле пенье,
Не смыть водой всех рек,
Свершивший убиенье
Есть проклятый вовек.

ПРОКЛЯТИЕ

Я на тебя нашлю проклятья. Их пять. Следят и мстят.
Туман, пожар, горячий ветер, ночная тьма, и яд.
Иззябнешь, вспыхнешь, распалишься, чрезмерно вкусишь мглы,
И будешь черным-черным углем в цепях седой золы.
Из угля станешь бриллиантом и будешь на руке,
И будешь замкнут в мертвом блеске, живой, в немой тоске.
И будешь властным талисманом, чтоб возбудить любовь,
В другом к твоей – к твоей, с которой не будешь счастлив вновь.
И весь отравлен тусклой страстью, ты замутишь свой свет,
И та рука швырнет свой перстень, сказавши: «Больше нет».

ОТ ВОЛЧЦА

Свежий ветер над волчцами,
И ведовский час.
Под холмами, взятый мглами,
Лунный облик над волнами,
Словно страшный желтый глаз.
Гладью облачной лагуны
Лунный шар скользит.
Звонче, громче в сердце струны,
Гряньте, грозные буруны,
Царствуй, гневный драконит.

САМОСОЖЖЕНИЕ

Я сидел в саду осеннем и глядел на красный лист,
Небо было в час заката как зажженный аметист,
Листья были завершеньем страстных миггов пронзены,
Осень выявила краски, что скрывались в дни весны.

Изумруд, что нежно чувству, млея в Мае, пел: «Усни»,
Стал карбункулом зловещим и гореньем головни,
Нежность золота с эмалью, в расцветаньи лепестков,
Стала желто-красной медью, красной мглой в глазах врагов.

И пока я был окован волхвованьем листа,
Целый мир воспламенился, тлела заревом мечта,
Угли множа, в красных дымах, мир явился как пожар,
Он сжигал себя, сознавши, что, изжив себя, он стар.

ПОЖАРИЩЕ

Пожарище застыло. Дордел решенный час.
Сгорел огонь всех красок, и красный цвет погас.
Малиновые звоны осенних похорон.
Допели. Догудели. Спустился серый сон.

Набат кричащих красок сменился мертвой мглой.
Затянут мир застылый безглазою золой.
Истлели зори лета. Час филина. Гляди.
Горят два злые ока. Глядят. Не подходи.

ИСКРЫ

Я достал из кремня
Две-три искры огня,
Уронил я их в трут,
Вот, горят, и поют.

Огневзорный возник
Над лучинами лик,
И рождают дрова
Огневые слова.

И течет, просветлев,
Огнетный напев,
Не поможет вода,
Мой костер – города.

КЛЯТВА

Я даю себе клятву священную
Любить самого себя.
Возвращаюсь в святыню свою незабвенную
Хранить свой лик, не дробя.

Много раз я себя отдавал на растерзание,
Я себя предавал для других.
Встанет об этом когда-нибудь седое сказание.
Но плющ на седой стене струится как юный стих.

Мой лик закреплен в долгодневности.
Проснется под камнем змея.
Но праздник цветов так нов и так свеж в их напевности.
Все цветы и цвета говорят: «Это – я. Это – я. Это – я».

ВОДИТЕЛЬСТВО

Водительство... Родительство... Созвездья... Луны... Боги...
Водительство... Мучительство... Зубчатые пороги...
Едва ты в воду кинешься, помчит твою ладью,
На камни опрокинешься... И все же – я пою.

Водительство венчанное Родителя, Друида,
Есть таинство желанное, здесь рабство – не обида.
Глаза – в глаза. Гряди, гроза. Подъятый меч пою.
Луна, Звезда, и Щит Златой. Берите кровь мою.

ОТ СКАЛЫ ДО СКАЛЫ

От скалы и до скалы,
Где проносятся орлы,
Высоко в соседстве звезд,
Протянулся тонкий мост.

Эта жердочка тонка,
От равнины далека,
И ведет от Красных Гор
К глади Матовых озер.

К озаренью жемчугов,
В мир существ, где нет врагов,
К воссиянью вышины,
В замок Солнца и Луны.

Трудно к жердочке дойти,
Страшны срывности пути,
Но во сколько раз трудней
Перейти в простор по ней.

НЕ В ЭТИ ДНИ

Не в эти дни вечеровые
Паденья капель дождевых, –
Не в эти дни полуживые,
Когда мы душу прячем в стих,
Чтоб озарить себя самих, –
О, нет, тогда, когда впервые,
Как капли жаркого дождя,
Струились звезды, нисходя
На доли Неба голубые, –
Тогда, как в первый раз, в ночи,
Средь звезд, как меж снежинок – льдина,
Жерло могучего Рубина,
Соткав кровавые лучи,
Окружность Солнца-Исполина
Взметнуло в вышний небосклон,
И Хаос древний был пронзен, –
Тогда, как рушащие громы,
Бросая миллионный след,
Качали новые хоромы,
Где длился ливнем самоцвет,
И свет был звук, и звук был свет, –
Тогда, Тебя, кого люблю я,
С кем Я мое – навек сплелось,
Взнести хотел бы на утес,

В струях разметанных волос,
Яря, качая, и волнуя,
Тебя, касаньем поцелуя,
Сгорая, сжег бы в блеске гроз.

ХОРОМЫ

Я давно замкнул себя в хоромы,
Отделив удел свой от людей.
Я замкнул с собой огонь и громы,
И горит цветной костер страстей.

Я давно избрал себе в Пустыне
Голубой оазис островной.
И годами нежу в нем, донине,
Цвет, мне данный Солнцем и Луной.

Я исполнен Солнечною кровью,
И любим я влажною Луной.
Кругодни я начинаю новью,
Меж стеблей лелея цвет дневной.

Этот цвет подобен рдяной чаше,
Золотые у нее края.
Влей вино, – оно светлей и краше,
Слиты двое здесь: не я и я.

Все, что ни придет из-за Пустыни,
Что достигнет звоном изо-вне,
Я качаю в чаше злато-синей,
Цепи звуков замкнуты во мне.

И пока негаснувший румянец
Стелется по синей высоте,
В мировой вхожу я стройный танец,
Пляской звезд кончая в темноте.

ДВА ДАРА

Телу звериному – красное,
Зеленое – телу растения.
Пойте свеченье согласное,
Жизнь, это счастье пения.
Зверю – горячий рубин,
Изумруды – побегам долин.
Кровь сокровенна звериная,

Страшная, быстрая, жгучая,
Львиная или орлиная,
Празднует, в празднике – мучая.
Слитность законченных рек,
Кровью живет человек.
Кровь огнескрыта растения,
Стебли как будто бескровные.
Правда ль? А праздник цветения?
Зорность? Одежды любовные?
Это напевная кровь
В весны оделася вновь.
Две разноблещущих цельности,
Два разноцветных сияния,
Царствуют, в мире, в отдельности,
Все же дано им слияние.
Глянь, над мерцаньем цветков,
В жерла тигриных зрачков.
В звере, глаза раскрывающем,
Пламя зеленое светится.
В стебле, влюбленность внушающем,
Замысел розой отметится.

МЕТЕОР

Зеленоватый метеор
Упал среди небес.
Меж тем лазоревый простор
Еще алел над чернью гор,
И свет в нем не исчез.
Он был как быстрый изумруд,
Нисброшенный с высот.
Блеснул вон там, мелькнул вон тут,
И вот упал, как в некий пруд,
За тучевой оплот.
А я смотрел на мир внизу,
Внесенный до стремнин.
А час, меня бирюзу,
Готовил к полночи грозу,
Пока я был – один.

ГИЕРОГЛИФЫ ЗВЕЗД

Я по ночам вникал в гиероглифы звезд,
В те свитки пламеней в высотах совершенных.
Но немые их слова. И дух, в томленьях пленных,
Не перекинет к ним, их достающий, мост.

Их повесть явственна и четко различима,
Но дух в них не найдет возжажданный ответ.
На все мои мольбы они ответят: «Нет».
Промолвят: «Миг живи, как смесь огня и дыма.

Гори. Еще гори, покуда не сгоришь.
Когда же догорит лампада золотая,
Созвездье между звезд, взнесешься ты, блистая,
Узнавши звездную, в провалах Ночи, тишь.

Но, если ты душой ненасытимо жгучей
Возжаждал то продлить, что длиться миг должно,
Ты камнем рушишься на мировое дно,
Созвездием не став, сгоришь звездой падучей».

ДАЙ МНЕ ВИНА

Небо, быть может, и может, но Небо ответить не хочет,
Не может сказать Человек ничего.
Сердце слепое безумствует, молит, провидит, пророчит,
Кровью оно обливается, бьется – зачем? Для кого? –
Все для тебя, о, любовь,
Красный мне пир приготовь.
Рощи мне роз расцвети, в этих пропастях мертво-синих,
Между жемчужностей зорь, и меж хрустальными дождей,
Красного дай мне вина, перелившейся крови испей,
Вместе сверкнем, пропоем, и потонем как тени в пустынях.

ЦЕПИ

Лишь цепи взяв, и окрутившись ими, –
Так свит удав, по дереву, кругом, –
Я вижу мир – как в некоем дальнем дыме,
И я живу – моим стозарным сном.

Но цепи те я принял добровольно,
И радостен душе глухой их звон.
Привет тюрьме. Очам раскрытым больно: –
Так светел мой безмерный небосклон.

ЦВЕТОЧНЫЙ СОН

ВЕНЧАЛЬНЫЙ ЧАС

Как светлые невесты, убрались все деревья.
Вон вишня, слива, яблонь, их целые кочевья.

Среди невест брожу я, а сердце млеет, рдеет.
Вдали, зажженный Солнцем, испанский дрок желтеет.

И вот я наклоняюсь к одной невесте, белой.
Красивую целую, влюбленный и несмелый.

И пред другой склоняюсь, учтивый как Испанец.
Медлительно целую девический румянец.

И с ними я венчаюсь, избрал любовь законом.
А шмель, звонарь садовый, гудит протяжным звоном.

СОЛНЦЕ

Это Солнце вызывает все растенья к высоте,
Их уча, что вот и Солнцу к вышней хочется черте.

Златокрайностью пронзая сон сцепляющих темнот,
Солнце всходит, мысль золотая, на лазурный небосвод.

На пути дугообразном расцветаясь в силе чар,
Солнце тайно разжигает жизнетворческий пожар.

Зажигает состязанье, быть различными маня,
Поелику в лике Солнца – семицветный лик Огня.

Оттого у всех ответных солнцесветных лепестков
Так различествует сказка красок, запахов, и снов.

Влажный лютик, нежность-роза дышат солнечной мечтой,
Это красная амфора и бубенчик золотой.

Дева лилия и ландыш – отраженья облаков,
Это – чаша причащенья, пузырьчики для духов.

Незабудка, глаз фиалки, колокольчик, зверобой
Небу молятся, затем что Солнце – в бездне голубой.

Образ змея, орхидея, раскрывает страстный рот,
Ибо Солнцем кровь согрета, поцелуй – души полет.

И еще, еще, и много кругообрисов-цветов,
Ибо Солнце круг свершило до закатных берегов.

Опустилось, исчезая, к аметистовой черте,
Чтоб звездистые сирени в ночь дышали темноте.

ВАНДИНЫ

Выплывая из топели,
Девы-Водницы, Вандины,
Проскользают хороводом,
Возле клена, под Луной.
Вьются нити из кудели,
Нежность тел белей холстины,
Небо синим смотрит сводом,
Над водой туман ночной.

В очи глянь. Дрожит глубоко
В тех глазах изнеможенье,
Пали волосы на плечи,
Каждый волос – как струна,
Слышен звон, как бы далеко
Нарастающее пенье,
Удивительные речи,
Разомкнулась тишина.

Подходите, вейте нити,
В сердце Водниц – влага счастья,
Дух Вандины – словно воды,
Ярче тайный разговор.
В легкой пляске потоните
Свет узнайте соучастья,
Вовлекитесь в хороводы,
Хорошо на дне озер.

СВЕРШИЛОСЬ

Свершилось. За музыкой взгляда
Тебя я, Сибилла, целую.
Бледнеешь. Ты в страхе? Не надо.
Мы празднуем Вечность живую.

Священны мои поцелуи,
Как луч на цветах олеандра,
Священны, как вещи струи
Идущего в вечность Скамандра.

ПЧЕЛЕ

Журчат водометы,
В них капель полет.
Заветные соты
Лелеют свой мед.

Залит шестигранный
Чуть-чуточный жбан.
И пьяностью странной
Медвяно я пьян.

Мой месяц медовый,
Венчанье с душой.
Я новый, я новый,
О, пчелка, я твой.

МИРРА

Мне чудится, что ты, в одежде духов света,
Витаешь где-то там, высоко над Землей,
Перед тобой твоя лазурная планета,
И алые вдали горят за дымной мглой.

Ты вся была полна любви невыразимой,
Неутоленности, как Сафо оных дней, –
Не может с любящим здесь слитным быть любимый,
И редки встречи душ при встрече двух людей.

Но ты, певучая, с устами-лепестками,
С глазами страстными, в дрожащей мгле ресниц,
Как ты умела быть нездешней между нами,
Давала ощущать крылатость вольных птиц.

Любить в любви как ты, так странно-отрешенно,
Смешав земную страсть с сияньем сверхземным,
Лаская быть как ты, быть любящим бездонно
Сумел бы лишь – сюда сошедший – серафим.

Но на Земле живя, ты Землю вся любила,
Не мертвой ты была, во сне, хоть наяву.
Не в жизненных цепях была живая сила,
Но возле губ дрожал восторг: «Живу! Живу!»

И шествуя теперь, как дух, в лазурных долах,

Волнуешь странно ты глядящий хор теней,
Ты даже там идешь с гирляндой роз веселых,
И алость губ твоих в той мгле всего нежней.

ТОСКА СТЕПЕЙ

(Полонянка степей Половецких)

Звук зурны звенит, звенит, звенит, звенит,
Звон стеблей, ковыль, поет, поет, поет,
Серп времен горит, сквозь сон, горит, горит,
Слезный стон растет, растет, растет, растет.

Даль степей, не миг, не час, не день, не год,
Ширь степей, но нет, но нет, но нет путей,
Тьма ночей, немой, немой тот звездный свод,
Ровность дней, в них зов, но чей, но чей, но чей?

Мать, отец, где все, где все – семьи моей?
Сон весны – блеснул, но спит, но спит, но спит,
Даль зовет, за ней, зовет, за ней, за ней,
Звук зурны звенит, звенит, звенит, звенит.

БЕЛИЗНА

От белизны снегов,
 Далеких, нетающих,
От вышних облаков,
 К Луне ускользящих,
От граней спящих гор,
 С немymi вершинами,
От скованных озер,
 Затянутых льдинами,
От чашечек цветков,
 Бальзам над усильями,
От белых мотыльков,
 С дрожащими крыльями,
Уйдя за горный склон.
 Упавши снежинкою,
К тебе я устремлен,
 Чуть зримой пушинкою,
К тебе я устремлен,
 Как греза несмелая,
В девический твой сон,
 О, нежная, белая.

ГОЛУБОЙ СТИШОК

Василек во ржи,
Почему, скажи,
Меж колосьев золотых,
Голубой поешь ты стих?

Тут и там цветок,
Словно рифма строк,
Место верно заступая,
Светит рифма голубая.

Василек взглянул,
Мне шепнул – блеснул:
Каждый колос служит хлебу,
Василечек – только Небу.

Василек был смел,
Голубел и пел:
Нива только мной богата,
Я – лазурь на море злата.

СТРОЙНОСТЬ ЛИНИЙ

Стройность линий и гармонию
Я люблю.
Травы в нежном благовонии
Окроплю.
Волны вышние эфирности
Я люблю.
Новолунности и пирности
В ласках длю.
Быть в весенней затененности
Я люблю.
Я влюблюсь в цветок влюбленности,
И влюблю.

ЛЕБЯЖИЙ ПУХ

Таишь ты мысли, – но даже вслух
Когда их молвишь, твои слова
Как над волною лебяжий пух,
Как под Луною ковыль-трава.

В ТИХИХ ГОРНИЦАХ

Ты светишься всегда так равномерно-ясно,
Но этот ровный свет не оттого так тих,
Что сердце у тебя безмолвствует безгласно,
А оттого, что в нем поет бессмертный стих.

Его ты слышала в младенческие зори,
Когда привязан был челнок твой к кораблю,
Его ты слышала в надмирном разговоре,
Когда я прошептал, и услышал, «Люблю».

И будешь ты гореть, безгласная лампада,
Но не в безжизненном тоскующих гробниц,
А в тихих горницах, где сердце мыслить радо,
Что много ведало, когда-то, нежных лиц.

И между них одно взнеслось над мглой теченья,
Миг единения – навеки был певуч,
И слово, полное бессмертного значенья,
Все держит свой прямой ненарушимый луч.

ЛИЛИЯ

Когда бы знала белая лилия,
Что, цветя так истомно над зеркалом струй,
Она вызывает безволие бессилия,
Лишь внушая жажду, не давая поцелуй, –

Когда бы знала, как, терзая и мучая,
Подвижные, влажные, меняет зеркала,
Быть может, она бы, эта греза певучая,
Над рекой не цвела.

ДВА ЦВЕТКА

Я взглянул, я с высокой взглянул высоты,
Но меня не заметила ты.
Я далеко, на взгорьи пустынном, стоял,
Твой цветок жизнеюный был – ал.

Я взглянул, из глубокой взглянул глубины,

Ты была на свиданьях Весны.
До свиданий дойти я не мог, не хотел,
Твой цветок был – загадочно-бел.

Я взглянул, я с тобою стоял наравне,
Над затоном, с тоской о Весне,
И прильнув к лепесткам, целовал я цветы,
Но меня не увидела ты.

А теперь – а теперь я узнал два цветка,
В них сверкают любовь и тоска.
Я как в сказке заснул, с пленной птицей в груди.
Пусть поет. Подожди. Не буди.

Я, ТЫ

– Куда ты его проводила?
Зачем ты с ним не пошла?
– Луна в село мне светила,
Светила ему из села.
– Куда ж ты его провожала?
– До околицы вместе шли.
Мне ночь цветами дышала,
Ему звездами вдали.
– А после? – Ночь побелела.
На погосте рвала я цветы.
Он пошел, усмехнулся несмело.
Я – я, говорит, а ты – ты.

ЛЕСНАЯ

Годами, ветрами измятые сосны в сыпучести дюн Океана,
Текучие смолы, что светят янтарно, с зарею, и поздно и рано.
Разгудистый колокол, в хоры вошедший сосновых огромностей бора,
Волна перекатная шума лесного, идущая мерно и скоро.

Струя полнопевная крови, сокрытой в руке, что кладу я на руку,
Два сердца, столь близкие, пляшут влюбленно, и ухо внимает их звуку.
Лазурный шатер над смарагдами бора оделся в обрывную млечность,
Как сладостно быть мне, родная, лесная, с тобою и миги, и Вечность.

ВЕСЕННИЕ СОСНЫ

Какие стройные стволы
Воздушно-вознесенных сосен.
В них чернь зеленой полумглы
Давно перегоревших весен.

Но все, но все концы ветвей
Хранят весенние побеги.
И свежий бархат их светлей
В первично-изумрудной неге.

А снизу – дышит изумруд
Росой обрызганного луга.
А дальше, в озере плывут
Два лебедя, любя друг друга.

И лебединое крыло,
Крыла касаяся воздушно,
Велит тебе взглянуть светло,
И полюбить меня послушно.

СПОЛНА

Радостность ласки моей
Полною чашей испей.
Ласковость светлой любви
Сердцем сполна позови.

Каждый весенний цветок
В миг свой – лишь скрытый намек.
В миг свой – он дышит полней,
Влагу приняв до корней.

Каждый весенний цветок
В миг свой – пахуч и глубок,
Взявши в себя полноту: –
Солнце, росу, и мечту.

В ПОДВОДНОСТИ

– Я нимфа подводная,
Я дева свободная,
Я белая, льдяная – со снегом и льдом,
Я нежно-румяная – в утре золотом.
Вся – по прихоти я,
Вся – в себе, вся – своя,
То горячая я, то холодная,

Но всегда – как вода.
Я свободная.
– Ведомо мне. Ты меня
Отлучила
От родимых верховьев и лазурного дня.
Потопляет свободная сила.
Без земного огня,
Я с тобою в низинах, в подводности,
В великой, в слепой, в роковой однородности
Дней и ночей,
Без означенья
Парного их, там высоко, теченья,
Без смены теней и лучей.
Ах, я ничей!
Ах, я свободный!
Отпусти меня к Солнцу и к рабству скорей.

ДЫМКА

Не хочу я напевов, где правильность звуков скована,
Хочу я напевностей тех, где своеволие душа сполна.
Я струна.
Сестра я полночных трав, шелестящими травами я зачарована.
Я как белая дымка плыла,
За осоку задела,
Зацепилась несмело
За осоку болотную белокурая мгла.
С камышом перебросилась взглядом,
Покачнулся камыш, – с тем, что зыбко, всегда он рядом:
«Я струна, –
Кто пришел, и куда меня, этой ночью, звать?
Утонуть? Утопить? Меня полюбить? Иль меня сорвать!» –
Покачнулся камыш, я его обняла несмело,
И запела,
Будет нам теперь колдовать
Шелестящая топь, и ночь, и Луна,
Будет белая тайна нас обвивать,
И тихонько, тихонько, тихонько я буду скользить,
Чтобы выросла вплоть до того вон лунного леса тонкая нить,
Как струна.

ВОЗВЕЩЕННАЯ

У высокого окна
Златоокая жена,
Золотая, золотая,

В осиянности очей,
Золотая, золотая,
В шелковистости лучей,
Устремленных Небесами,
И сплетенных Небесами
С золотыми волосами,
Чтоб дышалось горячей.

У высокого окна
Будет век стоять она,
Молодая, молодая,
Чтоб внизу была весна,
Золотая, золотая,
Как воздушный очерк сна,
Сон, который, раз приснится,
В светлом взоре будет длиться,
И вовеки не затмится,
Как века горит Луна.

МЕДВЯНКА

Луна золотая, как щит золотой,
Луна золотая, как риза из злата,
В пределах Востока горит над водой,
Превыше последних мерцаний Заката.
Медвяные росы растут.
Медвянка! Приди же! – Я тут.

Цветок золотой, как Луна золотая,
Цветок золотой, как кружок золотой,
Тебе принесла я, он дышит, блистая,
И сны, расцветая, плывут чередой.
– Медвянка! Медвянка! О, кто ты?
– Я та, кем восполнены соты.

СЧЕТ

Счесть в лесу хотел я сосны:
Сбился в пьяном духе смол.
Счесть с тобой хотел я весны:
Поцелуям счет не свел.

Счесть хотел цветочки луга,
Кашки розовой полки.
Да взглянули друг на друга,
В войске спутались значки.

Все лицо – в цветочной пыли,
Мир горит, во мгле сквозя.
И обнявшись мы решили:
Ничего считать нельзя.

КАК ЖЕ?

1

Ни на мгновение огонь не замолчит,
И бессиянным быть он не умеет.
В нем сердолик текучий влит,
Сафир и зыбкий хризолит.
И он шуршит, и он горит,
И говорит, и говорит,
Рубинной песней пламенеет.
Так как же ты, огонь любя,
Надела траур на себя?
Гори нам, струйно-золотая,
Или сгори, и пой, сгорая.

2

Я горю. Говорю,
Что и я люблю зарю,
Сердолик я расцвечаю,
Отвечаю
Янтарю.
Но когда та звезда,
Чья настала черед,
Задрожит, – все небо слышит,
Ночью дышит
С ней вода.
И застыв, ветви ив,
Листья влагой расцветив,
Повторяют безглагольно:
Смерть безбольна,
Сон красив.

ЦВЕТЫ

Я подхожу – так вплоть – к единственным цветам,
Которые цветут – для всех, и одному.
Я сладостью дышу. Как все. Но что же там?

Цветок цветет в огне, зерно идет во тьму.

И снова изо тьмы змеится ввысь росток.
Вот все запели гимн бессмертию цветов.
Но кто же мне отдаст – мой, бывший, мой цветок?
За этот мой цветок – я все отдать готов.

СРЫВ

Есть в громах, рожденных бурей,
Срывный звук.
В лете фурий, в ласках гурий,
Есть красивость сжатых рук.

Есть в глазах, любовь таящих,
Дрожь ресниц.
Меж ветвей, в весенних чашах
Есть любовный голос птиц.

Есть в капризности размера
Срыв струны.
Есть! Тебе, о, баядера,
Пляски-молнии даны.

ЦВЕТ ВЛАСТИ

Цвет власти – стебель золотой
И голубой цветок.
Песнь Власти дышит красотой
Сребристо-струнных строк.

Смотри, Венера изошла
Из голубых глубин.
Ее волос златится мгла,
Ее уста – рубин.

Смотри, Венера изошла
Из нежно-синих вод.
Над ней Луна была светла,
За ней пожар плывет.

Огонь златисто-желтолик,
Огонь румян и пьян.
Цвета поют, в них властный крик,
Расцвет нам в страсти дан.

Цвет Власти – стебель-изумруд
И золотой цветок.
Цвета поют, вон там, вот тут,
Миг страсти недалек.

Смешались все напевы строк,
Зарделись все цвета.
Тебя воздушный свет облек,
Ты та же и не та.

Песнь Власти – сладостный намек
На нежно-алый цвет.
Я расцвел твой лепесток,
Желанней счастья – нет.

ТАНЕЦ

Две их, две их, в вихре танца, пронеслись передо мной.
Всплески пляски, огонь румянца, сеть мантилии сквозной.

Рты гранатно приоткрыты, зубы – жемчуг в два ряда,
Очи яркие, в очи влиты – звезды, Небо, и вода.

Не простая, не речная, а морская, синий вал,
В два вместился водоема, и, блеснувши, задремал.

СОН НАЯВУ

В этих душных ночах, в Итальянских ночах,
Вдруг крылатую взяв, я сжимаю тебя,
Утопивши глаза в потемневших очах,
И терзая тебя – и любя – и любя.

Этих нежных ступней ощутив красоту,
Поцелуй к ним прижал – восходил – восходил,
И, напевность любви, я узоры плету,
Сочетаю поцелуй с воскуреньем кадил.

Мы узнали, что вот, это – слитные мы,
Две красы – две осы – два касания трав,
И читая в очах звездный сказ полутьмы,
Я пою про любовь двух расцветших купав.

Я ОТДАЛ СЕБЯ

Я отдал себя, увидавши дорогу.
Одной – поцелуй. И поэму – другой.
Звездой промелькнул, улетающей к Богу.
В ночи закурчавился пеной морской.

Мне радостно было – быть радостью нежной.
Там в сердце. Там в сердце. И в этом. И в том.
И ласкою нежной, в пустыне безбрежной,
Растаял... Развеян... Во всем... И ни в чем...

ЗОЛОТАЯ

Вознеслась над Морем, золотая,
Разлилась на Запад и Восток,
Расцветила с края и до края,
Засветила в сердце огонек.

Там на дне несохнувшей криницы,
В глубине, где все схоронено,
Как напев, зажгла огонь зарницы,
И, сгорев, златым явила дно.

МГЛА

Нимфея белая, нимфея голубая,
Нимфея радуга, сернистый цвет, заря,
Кротово-звездная, и туберозно-злая,
Мерцали, меж собой дыханьем говоря.

Я слышал говор их над этой бледной влагой,
И в сердце раненый, внимательно молчал,
И многоцветною, многоименной сагой
Дух лотоса, дыша, весь воздух расцветал.

Лились пахучие и заревные звоны
Бегоний пламенных, лиловых орхидей,
Томились пьяные в тумане анемоны,
Все губы жадные раскрылись для страстей.

И рододендроны, как сонмы юбок фейных,
Призывно зыблились, горячий рот маня,
И я застыл среди чар нимфейных, многозмейных,
И пыль цветочная огнем вошла в меня.

КАМЕНЬ ГОЛУБОЙ

КАМЕНЬ ГОЛУБОЙ

Это камень голубой,
Это камень драгоценный,
Что сияет трем мирам.
Посмотри душою пленной,
Он лазурится вон там,
Посмотри в тиши забвенной,
Он горит перед тобой,
Это камень голубой,
Это светоч драгоценный,
Что колдует трем мирам.

Он высоко над тобою,
В небосини круговой,
Целый мир он взял без бою,
Окружив его собою,
И, чтоб не был мир слепой,
Чтоб лазурь, что так богата,
Оттенилась блеском злата,
Вдоль небесного он ската
Кинул Солнце пред собой,
Бросил Месяц, сгусток пенный, –
Этот камень голубой,
Этот камень драгоценный,
Что сияет трем мирам.
Видишь бурю по горам?
В тучевом потоке взрытом,
Меж обрывов здесь и там,
Их снегам и их гранитам,
В лике молний златолитом,
Проложил он путь громам.
Видишь, свитком перевитым,
Влажный стебель пред тобой
Дал рожденье нежной чаше,
Что горит все краше, краше?
Это лотос голубой,
Он глядится в души наши,
Обвенчав меня с тобой.

И когда, в блаженстве млея,
В тонком вкрадчивом огне,
Ты, влюбленная лилея,
Прижимаешься ко мне,

И когда, как ночи лета
Страсть одета в блеск зарниц, –
Исполняется примета,
Что лазурь дана для птиц,
И лазурь для нежных лиц.
Ибо мы, в самозабвенный
Погружаясь прибой,
Погружая взор во взоры,
И в молчанье – разговоры,
Видим пламень голубой,
Там, в глазах влюбленных, пленный,
В плен мгновенный предан нам,
Этот камень драгоценный,
Этот свет всегда живой,
Этот камень голубой.
Самоцвет неоцененный,
Что сияет трем мирам.

ПОДЗЕМНЫЕ

Там, где по зарям, с плавучими огнями,
Первый стелется туман,
В скрытости бегут подземными путями,
Чудо-змеи темных стран,
Свежие ключи в излучинах незримых.
Так следи за той зарей,
И когда она растает в светлых дымах,
Знак поняв, колодец рой.

В БОРЕ НАД МОРЕМ

Синий клевер на горе,
Цвет румянцевый в заре,
В Океане тенесвет,
Вороненой стали цвет.

Запах ладанный сосны,
Свежий воздух тишины,
И соленый с Моря дух,
Цвет и запах мыслят вслух.

ЧЕРЕЗ ВЕКА

Я буду жить века, и обливаться кровью,
Чтоб ведать первый миг, с распаханною новью.

И я сквозь стон пройду, оплоты гор дробя,
Но я во тьме времен всегда найду тебя,

Я засвечусь в веках, поющей песни, кровью,
Земля-вдова, вздохнув, возлюбит долю вдовью.

И Солнце, бог ее, супруг давнишних дней,
Сквозь песнь мою опять прижмется страстно к ней.

Я расцвету века коралловою кровью,
Пороги проплыву, легко скользну к низовью.

И победив ущерб, как лунная ладья,
Ты вновь ко мне придешь и скажешь: «Я твоя».

РАКОВИНА

Вкруг раковины млеет хотящая вода,
Вкруг влаги ярко рдеет живой огонь, всегда.
Вокруг пожара – воздух, вкруг воздуха – эфир,
Вокруг эфира – зренья, здесь замкнут целый мир.

Вкруг раковины – воздух, эфир, огонь, вода.
А в раковине круглой – какая там звезда?
Там скрыт ли нежный жемчуг? Добро там или Зло?
В ковчеге сокровенном – священное число.

Хранит оно безгласно всю цельность бытия,
И в нем, бесстрастно, ясно, в забвеньи – Ты и Я.
Но тотчас лик за ликом мелькнет в дрожащей мгле,
Едва лишь разделение означится в числе.

Плывут, ползут, летают, меж страшных камышей,
Чудовищные рыбы и жадный птицезмей.
И вот свирель Я сделал; пропел Себя в веках,
И Ты, любовь, явилась, вся в нежных жемчугах.

ЗВЕРОБОЙ

Лучинник, степной зверобой,
Златистый, а есть также синий.
Так звезды, что выются толпой,
В степях высоты голубой,

Гадая в той вышней пустыне,
Со мной пошутили, с тобой,
И вырос двойной зверобой.
Я здесь с золотыми кудрями,
Ты там с голубыми очами,
Тоскуя, горим на степи,
Мы вместе и врозь. Потерпи.
Недаром там звезды над нами,
Есть свадебный ветер в степи.

У МОРЯ

Я у Моря голубого,
Подле пальмы, над волной.
С милой снова, с влагой снова,
Говорит она со мной.

В быстрой шалости белеет
Закипевшая волна.
Если хочет, – тотчас смеет,
Так как может, – вот она.

ГЛАЗА ТВОИ СИНИЕ

Глаза твои синие – как зимний, далекий лес,
Под Солнцем сияющим с высоких и синих Небес.

Глаза твои синие – как сумрак летящих бурь,
В них грозы грядущие, в них спящего сердца лазурь.

Глаза твои синие – как тайна алтарных завес,
Глаза твои синие – как зимний далекий лес.

ЗОРИ

С тобой, моя желанная мечта,
Изведал я, в сияньи зорь, лобзанье,
Единственность призывного касанья,
Ты каждый миг – и та же, и не та.

Ключ жизни, утро Мая, красота,
Таинственность священного сказанья,
Восполненность живого состязанья,

Предельный свет, пронзенная мета.

Твои глаза глядят, когда глядят,
Твой поцелуй – воистину лобзанье,
И для меня ты примешь истязанья,

И для меня, со мною, примешь яд,
Мы довершим высокое дерзанье,
О нас певцы в веках возговорят.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Как стало тихо на горах
От свежавыпавшего снега.
В каких медлительных кругах
Восходит дым. И в небесах
Какая ласковая нега.
И хоть зима, дышу тобой,
Веснянка, свет мой голубой.
Как будто мы, в преддверьи храма,
Глядим на струи фимиама.

ДУШЕ

Весна повсюду хороша,
Любовь всегда любовь.
Но, если любишь ты, душа,
Одежды приготовь.

Разлей по высям гор огни,
Усиль цветной восход.
Везде цветы распространи,
Им потерявши счет.

Разлив огни, сгусты туман,
И светлый дождь пролей.
Чтоб был свежащий праздник дан
Для жаждущих стеблей.

Оденься в нежный изумруд,
И грезам, о, душа,
Отдай себя, они вот тут,
Вот ждут, чуть-чуть дыша.

ПАСХАЛЬНЫЕ

Словно свечечки пасхальные,
Пасхи – легкой смены снов,
Словно в светлый миг венчальные
Нити нежных жемчугов, –

Расцветаясь в осененности,
Отсвечают с высоты
Первой призрачной влюбленности
Почки, ветви, и листы.

ПИР

Брызги листьев зеленых,
Праздник новой весны,
Травы на горных склонах,
Жаждой любить взнесены.

Нежный цвет изумруда,
Медленный благовест дня,
Новое вечное чудо,
Пир молодого огня.

ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА

– Отчего у тебя голубые глаза?
– Оттого, что, когда пролетала гроза,
Были молнии рдяны и сини,
Я смотрела на пляску тех синих огней,
И на небо, что все становилось синей,
А потом я пошла по пустыне,
Предо мной голубел и синел зверобой,
Колокольчик сиял и звенел голубой,
И пришла я в наш дом на ступени,
А над ними уж ночь, голубея, плыла,
И Весна королевой лазури была,
И душисто синели сирени.

РЫЦАРЬ

Кто ты, летящий за чертой?

– Воитель бури молодой.
Зажгу свечу, проснется гром.
И сломит тучу мой излом.

Мой меч – огонь. Мой красный конь –
В неутолимости погонь.
Лечу, свечу, – и ток дождя
Играет, тучу бороздя.

Мой круглый щит, семи цветов,
Горит на чашечках цветов.
В росе – мой облик молодой.
Я рыцарь Молнии золотой.

ДЫМКА

Колосья тонкие цвели,
Качаясь и мерцая.
И словно таял звон вдали
Как дымка голубая.

Там был голубоватый лес,
Обедню пели птицы.
Душа качнула мглу завес,
И дрогнули ресницы.

ЗАПРЕТНОСТЬ

Мы рвали с тобой золотые цветы,
Мы смотрели в зеркальность реки,
В воде отражалась воздушная ты,
И в душе было много тоски.

Мы знали, что путь есть от сердца до глаз,
И что вот полюбили сердца,
Но мысль оковала запретностью нас,
И скорбим, мы скорбим, без конца.

БЕДНЫЕ ДЕТИ

Бедные дети! Зачем вы сковали
То, что от вечности вольно?
Вы укачали земные печали,

Все же вам смутно и больно.

Вы, не спросясь у расчисленной жизни,
Силе любви уступили.
Сердце – как после разлуки в отчизне,
В сказке – и в явленной были.

Пусть же растает, меж близких нежданно,
Эта последняя связя: –
В двух однопевность поет необманно
Разностью радуг алмаза.

ВЕНЧАННЫЙ МИГ

Поцелуй. Замиренность двух лиц.
Миг причастия.
Преклониться молитвенно ниц,
В этом – счастье.

Между всех озаренных икон,
Безглагольная.
Но живая, как стихнувший стон,
Вот уж – вольная.

Вот уж в храме – лелеешь мечты,
Но храмовные.
В свете свеч мы с тобой, я и ты,
Безгреховные.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Не первозданность солнц, не бесконечность звезд,
В ночи плывущих вереницами,
Не ветхих дней завет, не семицветный мост,
В громах, с зарницами, –

Не перекатный гул вскипающих морей,
С их усилением – океанами, –
Не ветры, что поят дождями цвет стеблей,
Светло-медвяными, –

Не эта пышность вся, – хоть это все люблю, –
Владея сердцем, жжет волнением, –
А луч души к душе – его я в песне длю
Благословением.

КАК НОЧЬ

Она пришла ко мне молчащая как Ночь,
Глядящая как Ночь фиалками-очами,
Где росы кроткие звездились лучами,
Она пришла ко мне такая же точь-в-точь,
Как тиховойная, как вкрадчивая Ночь.

Ее единый взгляд проник до глубины тайной,
Где в зеркале немом – мое другое я,
И я – как лик ее, она – как тень моя,
Мы молча смотримся в затон необычайный,
Горящий звездностью, бездонностью, и тайной.

К ЖЕМЧУГАМ

Любовь, опять Луна глядит в мое окно,
На Море – серебро, от серебра – прохлада,
И одинокая поющая цикада
О чувствах говорит, светивших мне давно, –

Там, в крае призрачном, как греза, где звено,
Меж нами бывшее, скрепилось блеском взгляда,
Куда вернуться нам неустранимо надо,
Куда вернуться нам – созвездно – суждено.

Там в странах призрачных, как сказка, ты светила
Таким фиалковым и сладостным огнем,
Что колыбелится и пел он мне: «Уснем».

И в сердце вспыхнула негаснущая сила.
И дни содвинулись. И Небо так решило: –
«Идите к жемчугам – опять – морским путем».

СЧАСТЬЕ

Счастье! В желанном себя потеряв,
Будешь любить.
Нежно за волосы взяв,
Будешь рот его пить,
Целующий рот его пить,
Как росу испивают по капле расцветности трав.
Счастье! Себя потеряв,

Снова себя находить
В этом другом,
В нить золотую его перевить свою тонкую нить,
Быть лепестком с лепестком,
Чашей двойною расцветших купав,
Чашей одной, затаившей вино,
Слитно упасть на заветное дно,
Быть между зыблемых трав,
Сердце до милого сердца прижав,
Знать, что Судьбой это все решено,
В звездах, давно.

ГОЛУБОЕ

Мне снилось, мы с тобой вступили в Голубое.
То было царство звезд, фиалок, и воды.
Лазурные поля. Леса. Мы были двое.
Звезда не торопясь вела нас до звезды.

Среди высоких гор базальта голубого
Часовни были там курившихся пещер.
Шел белый дым из них, и снова в них и снова
Звук эхо нашу мысль перелагал в размер.

По берегам ручьев мерцали незабудки,
В сиреневых кустах светился фимиам.
И колокольчики, как башенки-малютки,
Светя, струили звон в лазурь Небес и к нам.

А птицы синие, что Время означали,
Летали по кругам, баюкая мечты
И в сердце пела песнь, что кончились печали,
Что я навек с тобой, навек со мною ты.

ПЛАМЯ

Если пламя голубое
Ты зажжешь на алтаре,
Вас, лелейных, в храме – двое,
И лицо свое живое,
Весь сияя как в заре, –
До лазури наклоня,
Оттеняя ту зарю,
Пламя синее впивая,
Бог вещает: – Я горю.
Я с тобою, земножитель,

Мой молельник, мой святитель,
Я с тобою говорю.
Если ты зажег молитву,
Искры в пляску устремил,
На горячую ловитву
Я схожу под звон кадил.
И ловлю я это пламя,
И вздымаю дым как знамя,
И вдыхаю жар души,
Этот синий-синий ладан.
Миг загадан и разгадан,
К светлой цели поспеши.
Что задумал, то случится,
Счастье – верное твое,
Ибо синий пламень длится,
Выпрямляясь как копьё.

ЗВЕЗДНАЯ ГРАМОТА

Я дам тебе звездную грамоту,
Дорогою сделаю радугу,
Над пропастью дней многогромную
Твой терем высоко взнесу.
И зори, со звездами дружные,
И зори рассветов жемчужные,
Протянут свою полосу.

Ты будешь во сне многосладостном,
Душистом как нежные ландыши,
Сквозистом как лес многолиственный,
Росистом как ласковый луг.
Ты будешь в слияньи и в пении,
Мы будем в бессмертном мгновении,
С лицом, обращенным на Юг.

ЛУЧЕИЗЛОМ

АГНИ

Красные кони, красные кони, красные кони – кони мои.
Ярки их гривы, выются извивы, пламенны взрывы, ржут в забытьи.

Ржут, что есть мочи, дрогнули ночи, конские очи – молнийный свет.

Спят водоемы, будут им громы, рухнут хоромы вышних примет.

Жаркие кони, яркие кони, жаркие кони – кони мои.
Топнут о камень – топнут – и пламень вырос и взвился проворней змеи.

Звонки подковы, златы и новы, пышны покровы красных попон.
В Мире – вещанье, капель жужжанье, резвое ржанье, хохот и стон.

Белый – рождаясь, красный – взметаясь, весь расцветаясь в пропастях дня,
Я у порога Мрака-Зловрога. Знаешь ты бога? Видишь меня?

ВЗОРЫ ГОР

Взоры гор – обсидиан,
Дымно-лиственный туман,
Мир сапфиров, срывный скат,
Черно-блещущий агат.
Чальчивитль-зеленоцвет,
Взгляд травинок древних лет,
Изумрудистый намек
На давнишний стебелек.
Гиацинт, и новый скат,
Меж рубинами гранат,
Фиолетно-бледный лист,
Зори в море, аметист.
Воссиявший через мрак,
Нетемнеющий светляк,
Разных радуг пересказ,
Радость глаз, живой алмаз.
Взоры гор – лучей раскат,
Самоцветный светоч злат,
Солнце в зернах и в кусках,
В самородных рудниках.
Бледно-лунная игра
Колдований серебра,
Украшение и звон
Всяких стран и всех времен.
Кровью тронутая медь,
Топорами ей греметь,
Чтоб размашисто убить,
И железу уступить.
Под железом – о, руда!
Кровь струится, как вода,
И в стальной замкнут убор
Горный черный разговор.

О, бранная изломность линий,
Военный стан пучины синей;
Ход жизней, ждущих череды;
Качание морской звезды;
Игрянки, живоросли, жгучки,
Существ лучистых мир; ряды
Звере-растений; борозды
Разорванность; плавучесть тучки;
Глубинный небосвод воды;
Лучистый камень, роговая
Обманка, сложный строй хором,
Где луч расходится с лучом;
Вся хоть морей, всегда живая,
Где слизь целует, жизнь свивая,
И волны крутятся узлом;
И из одной страны прозрачной
К другой – светильник бивуачный –
Прошедший луч – лучеизлом.

ТИГР

Ты, крадущийся к утехам
Растерзания других, –
Ты с твоим пятнистым мехом,
Я дарю тебе свой стих.

Чунг – зовут тебя в Китае,
Баг – зовет тебя Индус,
Тигр – сказал я, бывши в Рае,
Изменять – я не берусь.

Гимн слагая мирозданию,
Тигром назвал я тебя,
Чтоб метался ты за данью,
Смерть любя и жизнь губя.

Вот я вижу. Вот я слышу.
Храм забытый. Тишина.
На узорчатую крышу
Чару света льет Луна.

Вот я слышу. Где-то близко,
Бросив в храме переход,
Меж кустами тамариска.
Мягко, мерно, тигр идет.

К человеку от развалин,

К человеку, к людям – вот,
Безупречен, беспечален,
Чуть ступая, тигр идет.

Стал. Застыл. Прыжок. Мгновенье.
И лежит растерзан – там,
Кто забыл свое моление,
Упустил в веках свой храм.

Так да будет. Приходи же,
Из оставленных руин,
Страх священный смерти, ближе,
Лишь приносишь ты один.

Кровь – тебе, как робким – млеко,
Кровь – на долгие года,
Потому что человека
Ты готов терзать всегда.

СКАЗАНИЕ

Родился Мир – из гнева. Вскрикнул Бог,
И влага в изумлении застыла.
И там, где – миг тому – был крик, напев, и вздох,
Простерлась горная безмерная могила.

И между впадин, срывов, и вершин,
Меж смолкшими гробами и гробами,
В испуге поползла вода, как между льдин,
Змеясь извилисто шуршащими волнами.

ЖЕРЛО

Быть может, так. А может быть, не так.
Есть Бог или нет, – ведь мы не знаем твердо.
Известно лишь вполне: Есть свет, есть мрак.

Одна струна, – так значит нет аккорда,
Раз цвет один, мы в слепоте цветов,
И раз мы часть, – обманно все, что гордо.

Но часть ли мы в игре Первооснов?
Иль, может, раз в начале было Слово,
То Слово – мы, как мы – вся слитность слов?

Одно в одном, без гибели и крова,

Устало быть всегда самим собой,
Быть цельным, Всем, не зная, что что-то ново.

Одно в Одном, в пустыне голубой,
В законченном, хотя и бесконечном,
Без знания, что есть красивый бой.

Одно в Одном, в предвосхищеньи млечном,
Себя Собой введя в безмерный гнев,
Возжаждало быть в вихре быстротечном.

И вот раскрылся Мир, как вещей зев,
Качнулась быстрота водоворота,
И зазвучал разорванный напев.

Распалось Все на бесконечность Кто-то,
Раздвинулось гудящее жерло,
Встал дьявол Ум, легла в постель Дремота.

Легла, и усмехнулась тонко зло,
Явила обнажившиеся груди,
И бытие в бездонность потекло.

Помчались быстро птицы, звери, люди,
Цветы, болезни, войны, божества,
Все в нестерпимом жизнетворном зуде.

Доныне эта пляска Солнц жива,
На нашем также есть протуберанцы,
И на планетах тоже есть трава.

Повсюду бросив алые румянцы,
Меж двух пределов, жаждущая Хоть
Сплетает помрачительные танцы.

И мы твердим, то – Дьявол, то – Господь,
Окружный Змей свой хвост загнутый гложет,
И грезит о душе земная плоть.

И всех, всегда, один вопрос тревожит,
Но некому тот камень раздробить:
Что ж, наша жизнь – есть доброе Быть Может?

Иль яркое и злое Может Быть?

НЕПРЕЛОЖНОСТЬ

Жерло, бросающее лаву,
И хищный, цепкий, меткий зуб,

Вы существуете по праву,
Как стих, венчающий октаву,
Как камень, вправленный в оправу,
Как поцелуй румяных губ.

И если б в гамме Мирозданию
Рычащий замолчал бурун,
И если б не был дан страданию
Его размах, как звон – рыданию,
Мы сами б в Ад пошли за данью,
Чтоб звонче было пенье струн.

Когда ж свершим мы непреложность,
Пройдя ступени всем путем,
Мы окуем в себе тревожность,
И будет цельный Рай возможность,
Но, раздробив опять Всебожность,
Мы пляску атомов взметем.

НЕЖНОСТЬ МИРА

Нежность Мира? Хобот. Клык.
С корнем вырванный язык.
Гвозди, вбитые – не в тес,
А в глаза, где розы слез.
Нежность Мира? Цепкий клюв,
Что скрипит – понав, рванув,
Жить лишь может – разорвав,
Нежность Мира есть удав.
Чтоб построить материк,
Миллионный вызвать крик,
Тело к телу, этажом,
Зубом, взглядом, и ножом.
Строй людей, зверей, и рыб,
Травы, птицы, слои глыб,
Тело – к телу, дом – на дом,
Встанет остров здесь горбом.
В пляску чисел и нулей
Кровь и желчь обильно лей,
Сноп веков нагромождай,
Создан Рай, потопим Рай.
Закрутим вверху болид,
Пусть он праздник озарит,
Жатву, Море, собирай,
Создан Рай, потопим Рай.
За болидом – вниз, болид,
Светоч красных Атлантис,
Хор вулканов, начинай,
Создан Рай, потопим Рай.

СОН

Весь звенчатый, коленчатый, изгибистый, змеистый,
Извивно-криво-выгнутый, углистый, и локтистый.
Приснился мне Неведомый, и как его понять?
Лесным лишь ведьмам ведомый, лишь змеям перенять.
Огромной сколопендрою, мерцающая чешуею,
Излучисто, изломчиво, лежал он предо мною,
И вдруг, в изломе сдвинувшись, меняя вид и нрав,
Предстал как волосатый он мохнатый волкодав.
Ну, думаю, не тронусь я. Пойду ли на авось я.
Шуршит зловеще тулово, и пасть разъята песья,
Собакозмей извивчатый, с свирепой головой,
То узкий, то разливчатый, раскрывшийся извой.
Мерцает излохмаченный, и с крыльями – предплечья,
И в песьем взоре светится ехидство человечье,
Приблизься, мол, запутаю, взгляни сюда, прошу,
Я чешуей окутаю, душа, я укушу.
Влачить и изволакивать – услады, мол, сердечные,
Оденусь в алый бархат я, укроюсь в дымы млечные, –
Не Дьявол ли, не плавал ли в лихой он ледоход,
И вот теперь лукавится, забавится, идет.
Я вскрикнул, – в ходе звенчатом внезапно остановленный,
В изломе ловком сведущий, но словом сам уловленный,
Угрозный вдруг рассыпался, взметая огонь и чад, –
Проснулся я, и вижу лишь, что тучу ветры мчат.

ИЗ ВИХРЯ

В Бездне задуманный, в Небе зачатый,
Взявший для глаз своих Солнце с Луной,
Скрывший в себе грозные раскаты,
Льдяные срывы и влагу и зной,
Знавший огней вековые набаты,
Праздник разлитья созвездий и рек,
Страстью ужаленный, Бездной зачатый,
Я – Человек.

К ЦАРИЦЕ ПЛАМЕНЕЙ

Царица Пламеней, владычица громов!
О, запредельная! О, взрывно-грозная!

Когда устанем мы от равнозвучья снов,
Когда молельня в нас разрушится живая,
Ты вся нахмуришься, и в траурный покров
Ты облакаешься, пары Земли свивая.

И нечем нам дышать, и ждем мы, ждем громов.

Царица Пламеней, тогда свои запястья
Ты надеваешь все, и, траур свой порвав,
Ты мечешь молнии, как знак единовластья
Над Небом и Землей, над жизнью душ и трав,
И мы зовем дождем твой праздник сладострастья,
И слушаем твой гром, первичность вновь узнав.

А к ночи свет зарниц лазурит наше счастье.

ГРОЗОВОЙ ПОЦЕЛУЙ

Молило тучу облачко: Грозой меня одень.
От облака до облака легла густая тень.

И облачко пушистое с могучею слилось.
Возникла в поцелуе их мгновенность разных роз.

И белые, и красные, и черные, весь куст,
Разросся и раскинулся, весь полный жадных уст.

Внезапно пронизался он изломчивым огнем,
Внезапно разругался игрою молний гром.

И облачко, прилипшее к той туче грозовой,
Ниспало каплей светлою, восторг узнавши свой.

КОНИ БУРЬ

Ржали громы по лазури,
Разоржались кони бурь,
И дождавшись громкой бури,
Разругали лазурь.

Громы, рдея, разрывали
Крепость мраков, черный круг,
В радость радуги играли,
Воздвигали рдяность дуг.

Завершив свой подвиг трудный,

Ливень струй освободив,
Мир растений изумрудный
Весь прикрыли мглою грив.

И промчались в небе взрытом,
Арку радуги дожгли,
И ушли, гремя копытом.
Чу, последний гром вдали.

ЗА ГРОЗОЙ

Гроза ушла. Окован гром.
Далекий голос чуть грозит.
И меж разъятых туч сквозит
Луна холодным серебром.
Голубоватым серебром
Внутри замлели облака,
И тут разрыв, и там излом.
И вот их белая река,
Не по земному широка,
И вспенена не по земному,
Сплетает длинный саван грому,
Который умер на три дня,
В гробу лазоревом безгласен,
Но снова, яростно прекрасен,
Восстанет в змейностях огня.

ЗАЧАРОВАНИЕ

Я был в таинственных чертогах
Зачарования собой,
Молчит там стража на порогах,
И говорит полночный бой.

Лишь только в полночь, в час созвездный,
Пробьют старинные часы,
Я вижу там, над звездной бездной,
Встают две равных полосы.

Одна черна, как ворон черный,
Чернее самых черных глаз.
Другая, в яркости повторной,
Как гранетысячный алмаз.

Они ведут, и мне знакомы,
Они являют путь двойной,

В них солнца, молнии, и громы,
Все то, что было здесь со мной.

Не вопрошу я – Что ты? Кто ты? –
Кого б ни встретил на пути: –
Давно мне ведомы темноты,
И буду в них еще идти.

Не удивлюсь я краскам радуг,
И самоцветностям дорог: –
Я ведал множество загадок,
Но все их разгадать я мог.

Предел доверен верной страже.
Иду. Как сладко отдохнуть.
И в этот миг – вот в этот даже –
Короче в бездну бездн мой путь.

БОР

Наклоняясь к сосне, я вбираю в себя
Благовоние пряное смол.
А добычу на дальнем суку теребя,
С ликованьем клекочет орел.

Воркованью подобен клекочущий звук,
Он доволен, могучий летун.
И хочу я движенья играющих рук,
Золотого мелькания струн.

Вот пошел по верхам перекатистый гул,
Перемоль, восходящая в хор.
И орел не спеша два крыла развернул,
Покидая для облака – бор.

ДРЕВЕСНАЯ СКАЗКА

В молчаньи древесных стволов
Есть тишь заколдованных снов,
В упоре захватном корней
Извивы продлившихся дней.

Одна вековая сосна
Скрепленная чудо-страна,
Один зачарованный дуб
То шепоты призрачных губ.

Убор белоствольных берез
Как белые снежности роз,
В медвяном цветении лип
Влюбленной мечты перегиб.

Древесную сказку любя,
Мы помним давнишних себя,
И руны звездит высота
В серебристых шуршаньях листа.

ОСЕННИЙ ПРАЗДНИК

Еще осень моя не настала,
Но высокое лето прошло,
И деревья напевом хорала
Овеают мой праздник светло.

Это праздник великий сознанья,
Что затих огнемётный дракон,
И огонь не уменьшил сиянья,
Но возник как рубиновый трон.

Над вершинами алое чудо,
Благодать снизошла с высоты,
И исполнены долгого гуда
Озаренные краской листы.

Широко, как последние пчелы,
Перекатная сказка поет,
Уходя за соседние доли,
Упадая в сознанье как мед.

Высоко, к благодатностям Юга,
Улетают семьей журавли,
Я как точка безмерного круга,
Все – мое, и вблизи, и вдали.

ОСЕННИЙ ЛЕС

Лесная чаща. В изумруд,
Еще недавно, там и тут,
Рубины изливались, рдея.
Теперь, парча листвы, сполна,
Как дымно-желтая стена,
Броня деревьев шуршит, рдея.

Цвет постаревший, – не седой,
А серо-пепельный, подседный, –
Скользит по этой сказке медной,
И, вспыхнув, гаснет чередой.
Так в час вечерний, козодой,
В лазури неба, перед нами,
Мелькнет неверными крылами,
Свершая быстро путь витой,
И вдруг исчезнет над водой,
Где, взор души сливав с мечтами,
Последний медлит луч златой.

НАПОСЛЕДКИ

Вот и Осень золотая
К нам приходит вновь.
Гуще дымка, утром тая,
И оделся лес, блистая,
В листья, красные как кровь.

Я бы думал, что весною
Место для огня.
А меж тем, как будто зною,
Всею листвою расписною,
Служит в осень головня.

Раскутился напоследки
Зорно-красный цвет.
Лист ярчей, но листья редки,
И паук, сплетая сетки,
Чинит листьев рваный след.

Как падет рубин шуршащий
В паутиный свод,
Рухнет вдруг балкон дрожащий,
И на зимний сон, из чащи,
Осень зодчего зовет.

Но паук, ее не слыша,
Протянул канат.
Вот готова стенка, ниша,
Скреплена узорно крыша,
Ждет гостей, любому рад.

ОСЕНЬ

Влага прохладною стала.
Вечером – где он, рубин?
Зори – в мерцаньях опала,
Облачки – полчища льдин.

Осень серпом однозубым
Сжала вплотную поля.
Воздух стал жестким и грубым,
Сохлой листвой шевеля.

Минуло красное лето,
Спи же, цветов не ища.
Хочешь ли красного цвета?
Вот тебе листья плюща.

ВЫСОКАЯ СВЕЧА

Широким шелестом шуршащий Океан,
Паденье звезд золотых, снежинок Сентября,
И вечер удлинил начетистый обман,
Высокая свеча уменьшилась, горя.

О, где вы летние – с зари и до зари –
Прозрачно-светлые утра и вечера?
Я памятки о вас нижу как янтари,
А Ночь глубокая поет: «Уснуть пора».

ЧЕТЫРЕ СВЕЧИ

Мне снились четыре свечи в канделябрах старинных,
Чтоб вылить их, пчелы золотые жужжали весной,
И летом летали, касаясь расцветов долинных,
И в улей запрятали, с медом, свой воск расписной.

Высокие свечи различными были по цвету,
Лазурный, и алый, и желтый, и белый был цвет,
Свеча голубая светила и Маю и Лету,
А Солнцу высокому рдяный светился расцвет.

Пока же я спал, пауки заплели паутинки,
И желтая, тихо дымясь, засветилась свеча,
По небу безгласные тучки скользили как льдинки,
И ласка луча для лица не была горяча.

Когда же и эта потухла, в снежащемся воске
Возникло четвертое пламя, последний огонь,

И мнилось мне, где-то скрепляли сосновые доски,
И белый, весь белый, явился предсказанный конь.

РАСЦВЕТАЛИ

Расцветали звездочки сирени,
И вдыхал ребенок жизни их.
Сад. Балкон. Заветные ступени.
Птица в клетке, в детском сердце стих.

Расцветали серьги золотые,
Чашечки акации златой.
Строки-кольца глянули, литые,
Искры Солнца пали чередой.

Расцветали алые гвоздики,
От огня слепые лепестки,
В сердце, знавшем песню, пели крики,
Все миры откинулись в зрачки.

Расцветали снежно иммортели,
Отцветанья не было у них.
И о них поют в горах метели,
Лишь о них поет тебе мой стих.

КУПИНА

Купина огнепалимая,
Это сердце здесь в груди,
Как вошел в огонь и в дымы я,
Так назад меня не жди.

Я горю в самосожженности,
В распалюемой печи,
Чтобы яркие стозвонности
Миру бросили лучи.

Купина огнепалимая,
И хранимая вовек,
Всем сердцам, как светоч, зримая,
Да не гаснет человек.

КРОВЬ ОТДАВШИЙ

Кровь отдавший, ликом белый,
Саван взявший, вот он спит,
Неподвижный, онемелый,
Пятикратностью пробит.
 Сколько чувств стнящим людям
 Ниспослала вышина,
 Все, в чем были, все, в чем будем,
 Светлый, принял он сполна.
И во знаменье принятья
Этой жизни, ввергнут в сон,
На кресте, раскрыв объята,
Пятикратно он пронзен.
 Но, доверив долу тело,
 Свиток смертной пелены,
 Он велел нам мыслить смело,
 Дал печальным верить в сны.
Льды разъяв потоком света,
Солнце нежит небосклон,
И – святой псалом Завета, –
Слышим мы Пасхальный звон.
 Силен голос дней грядущих,
 Светлый праздник к нам придет,
 Бог живой во гробе сущих
 Не обманет тех, кто ждет.
И цветок в саду раскрытый,
Вторит звездочкой цветной: –
Вот я вышел, тюрьмы срыты,
Бог любви воскрес – весной.

ВЕСНОЙ

Весной истончаются льдины,
 Широкая плещет волна,
И в сердце слова, что едины,
 Встают как расцветы со дна.

Весною под пение птицы
 Рождается пение строк,
Зерно из подземной темницы
 Встает как зеленый росток.

В деревьях сокрытые струи
 Блестят как сережки берез,
Под звон, в мировом поцелуе,
 Весной воскресает Христос.

ПАДШАЯ-ПАВШАЯ

Ты упала – упала,
Ядовитое жало
Эту душу пронзало,
И пронзило совсем.
Ты лежишь помертвевшей,
Но свечою зардевшей
Я над жизнью истлевшей
Возжигаю – Эдем.

Ибо наши паденья,
Как и наши взнесенья,
Суть великость служенья,
Миг кажденья Тому,
Кто наполнил нас кровью,
Повелел нам быть новью,
Изъязвляться любовью,
И не знать – почему.

ПАРУСА

Красный парус в синем Море, в Море голубом.
Белый парус в Море сером спит свинцовым сном.
Синий парус взвился в вихре, закрутился вал.
Черный парус, в час безветрий, тихо задремал.

Много снов и много красок вижу в Море я.
Много птиц над ним провеет в дальние края.
Но всего красивей Море – зеркалом без дна.
Счастлив тот, кому зеркальность истинно дана.

ОПАЛЫ

В ЛАДЬЕ

И в солнечной ладье, и в лунной,
Мы долго плыли по волне.
Рассказ об этом, полнотрунный,
Гребцами был доверен мне.
Уж мы исчерпали земное, –
И цвет, и колос, – навсегда.

И нам остались только двое,
Два бога, Небо и Вода.
Вода, лазурная богиня,
И Небо, звездно-синий бог.
Привет сердец тебе, Пустыня,
Где нет следа, где гаснет вздох.
В ладье и солнечной и лунной,
Мы долго плыли по волне.
И не смущал нас гул бурунный,
И звон звучал струны к струне,
Когда ж кровавого заката
Пожар последний догорел,
Одело призрачное злато
Красивость наших стройных тел.
И серебристою улыбкой
Из мглы высот продлился луч.
И в этой сказке лунно-зыбкой
Я лунно-зыбко стал певуч.
Доверясь только светлым далям,
Мы – духи лунной полутьмы.
И где вздохнем, и где причалим,
Об этом знаем только мы.

РОСА

Две-три капельки смолы
На сосне
Суть прозрачные хвалы
Жизни, Солнцу, и Луне.

Иней в звездочках немых,
На окне
Есть звездистый стройный стих
Жизни, Солнцу, и Луне.

Бриллиант-хрусталь-роса,
Вся в огне,
Зыбь лобзаний, в небеса,
Жизни, Солнцу, и Луне.

И слеза, что так светла,
В тишине,
Есть бессмертная хвала
Жизни, Солнцу, и Луне.

ЗВЕЗДНЫЙ ЗВОН

В звездах – звон. Но мы не слышим.
Но ведь мы не слышим много.
Вот лунатик у порога.
Вот он вышел. Он на крыше.
Должен он идти все выше.
Он проходит по черте.
Как идет он, я не знаю; –
Безошибочно, по краю,
Он проходит в высоте.
Белый призрак, спит, но дышит,
Лик подъятый озарен.
Я не слышу, он же слышит
Лунный зов и звездный звон.

ЛУННЫЙ СОК

Обильная соком Луна
Золотой расцвечает свой мед.
Поля. Полумгла. Тишина.
Полночь счет свой ведет.
Все в золе пепелище зари.
Счет идет.
От единства через двойственность в стройное три,
Мировое четыре, безумное пять,
Через шесть освященное семь,
Восемь, Вечности лик, девять, десять опять,
И одиннадцать. Дрогнула темь.
И двенадцать. Горит вышина.
Просиял небосклон.
Лунным звоном вся полночь полна,
Лунный звон.
И воздушно, с высокой и злой высоты,
На леса, на луга, на листья, на цветы,
На мерцанья болот, на шуршание нив
Полнолунница льет свой колдующий мед,
И безумья струит, и возвращает прилив,
Заковала весь мир в голубой хоровод.
О, Луна, яд твой светлый красив!

НОВЫЙ СЕРП

Я Новый Серп среди лунных начертаний.
Подсолнечник в Июльском я саду,
Лик Солнца, зачинатель мирозданий,
А в ночь, меня ища, люби звезду.

Я зыбь морей в немолкнушем буруне,
Бездонный безымерный небосклон,
Я незабудка в Мае и в Июне,
Я маковое зернышко, я сон.

МЕСЯЦ

Месяц меряет недели,
Изменяясь в красоте.
Вот он виден еле-еле,
Серповиден в высоте.

Вот он серп для жатвы годный,
Заостренный там внутри.
Вот плывет над бездной водной
Полумесяц, – посмотри.

Все пышнее, все светлее,
Вот он встал как полный шар.
Словно где-то там, алея,
В круге зарева – пожар.

Вот все позже он восходит,
С краю выем, убыль в нем.
Чахнет бледный, грустно бродит,
Опрокинут, виден днем.

Меньше, тоньше, гаснет, тая.
Умер. Нет нам лунных нег.
Ждем. И вновь черта золотая,
Месяц меряет разбег.

ОКРАЙНОСТЬ

Ты мне являешься Царевною жемчужин,
Вся осиянная начальною Луной,
Чей серп утонченный, возрастая, всеокружен.
О, Златоокая, зачем ты не со мной?
Опалы нежные я сердцем собираю,
Из тайных раковин зову я жемчуга,
И глянь на Море ты... Туда... В крайность... С краю
Я влаги зачерпнул, и дождь к тебе бросаю.
Те брызги для тебя. Ты все мне дорога.
Но, множа говор волн, с лазурью Моря дружен,
Я разлучен с Луной, и с лучшей из жемчужин.

ИЗ ВСЕХ ГЛУБИН

Из всех глубин собравши все жемчужности,
На берегу, я думаю, один,
О роковой блистательной ненужности
Всех жемчугов глубин.

Обрывы скал. Мой край – необитаемый.
Здесь гибнут все, в прибое, корабли.
И праздник дней, всегда в минутах чаемый,
Всегда, навек, вдали.

Лишь всплески волн, в бесчисленной повторности,
Несут напев, не здесь пропевших, струн.
И жемчуга горят, в своей узорности,
Как сонмы мертвых лун.

БЕГ МИНУТ

Ты видал, у Моря серого, как метелятся пески?
Ты бродил, тоской истерзанный, в темном лесе, вдоль реки?
Ты внимал, овеян выюгами, ветра призрачный рассказ?
Ты считал шуршанья шорохов, бег минут в полночный час?

Ты слышал, как вихри носятся, завывая сквозь трубу?
Ты узнал, как сердце просится прочь бежать, сломив судьбу?
Ты узнал души рыдание без слезы сомкнутых глаз?
Ты узнал ли все страдание ведать мысль в последний раз?

ЗА ПОРОГОМ

Живой! Ты не знаешь, куда ты вступил?
Ты ищешь мгновений в Былом!
Но звоны струны и бряцанья кадил
Смолкают в моей равновстречности сил.
Здесь Ворон провеял крылом.

Я судьбы свершаю, я пряжу пряду.
Ты ведал, как колется терн?
Лишь капелька крови, – и ум твой в бреду,
И сон твой чрез триста я лет поведу.
Я Норна. Ты знаешь ли Норн?

В ЛЕСУ

Я был в лесу. Деревья не дрожали.
Они застыли в ясной тишине.
Как будто в мире не было печали.
Как будто пытку не судили мне.

Кто присудил? Не так же ль я безгласен,
Как этот мир ветвей, вершин, стволов?
Не так же ль мир мечты воздушно ясен,
Моей мечты и тиховейных снов?

Но вот, когда деревья, тесным кругом,
Друг другу дышат, и сплетясь растут,
Я должен быть врагом иль скудным другом,
Душой быть там, когда прикован тут.

Раздельность дней. Безбрежность разлученья.
Прощай. Прощай. Чуть встретился, прощай.
Идти путем глубокого мученья,
И лишь на миг входить, чрез зиму, в май.

Я падаю. Встаю. Иду. Теряюсь.
Молю тебя: ты, кто-нибудь, услышь.
Схожу с ума. В бездонном изменяюсь.
Но лес молчит. Молчит. Какая тишь!

ВСЁ БЛИЖЕ

Все ближе, и ближе к заветному краю, еще, и еще, и совсем.
Иду ли я к бездне, иль к светлому раю, – не знаю, и слеп я, и нем.
И если б я видел, – пойду необманно, чтоб только, до края дойти.
И если бы мог вопрошать, – не спросил бы других о последнем пути.
Я буду ли вечно глядеть на повторность – всего – в кругозданных зрачках?
Я буду ли вечно вникать в неземное – в земных и людских голосах?
Иду, и уж ноги скользят, – и секунды звенят о черту острия.
Как радостно быть без конца одиноким, и ведать, что Вечность – моя.

КОЛОСЬЯ

Качаются, качаются
Колосья пожелтелые.

Встречаются, венчаются
В мечты минутно смелые.

Целуются, целуются
Воздушностью касания.
В мгновении милуются
Предсмертные лобзания.

УЩЕРБ

Шумели и шушукались
Сосны шуршащей сучья.
А рыбы убаюкались,
Уснула жадность щучья,
Наевшись плотиц,
Среди речных станиц.

Настали дни осенние,
В лугах одни отавы,
Все пленнее и пленнее
Объединенные травы.
Воздушный клин вдали, –
Исчезли журавли.

И воют оголтелые,
В ночи, сычи и совы.
И заморозки белые
Плетут полям покровы.
И в небе желтый серп
Свел в цельность весь ущерб.

ЗИМА

Ветры зиму строят на высотах.
В бледном, в серебристом, в позолотах.
Много рассыпают белых роз.
Звонкий укрепляется мороз.

Горы увенчали в снеговое.
Белым озарили голубое.
Скованность скрепили как закон.
Белой смерти дали вышний трон.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Что северным мы называем сияньем,
Есть не сиянье, – игранье лучей.
Владеет великим оно расстояньем,
Рожденье различным дает чарованьям,
Узорной легендой встает для очей.
Сперва это – отбель: на Севере, белый,
Бледнеющий свет, как бы Млечный путь,
Но вот розовеют цветные пределы,
Багровеют зорники, зори те смелы,
Лучи полосами, цветочная жуть,
Столбы ярко-красные, вон еще синий,
Огнем наливаются там багрецы,
Играют костры по воздушной пустыне,
И треск пережатный, во все концы.
То – сполохи. Рдеют и зреют убранства,
В ночи, осиянные, дышат столбы.
Какой пролегает здесь путь чрез пространство?
О чем то, по краскам, гаданье Судьбы.

СЕРЕБРЯНЫЙ ПУТЬ

Снег был за-ночь. Убелилась веревя.
Удорожилась дороженька моя.
От пороши самой первой – санный путь.
В осребренность. Сердце, есть на что взглянуть.

Снегом белым все прикрыла нам Зима.
Лес как сказка. Звездной ночью светит тьма.
И не знаешь, звезды ль, снег ли весь в лучах.
Или это – что-то здесь – в моих глазах.

В СНЕЖНОЙ ЗАМЕТИ

В снежной замети кружиться, –
Оснежишься только весь.
Уж покуда ночь продлится, –
Мы в лесу побудем здесь.

Утром Солнце загорится,
Нам сверкнет алмазом-льдом,
Будет наст, и снег сплотится, –
Как по мосту мы дойдем.

ЧЕТЫРЕ

Отблеск зеркальный дальней Луны,
Ландыш венчальный, вздох тишины,
Это влюбленность Весны.

Жаркой гвоздики лики кругом,
Красные вскрики, жар над цветком,
Это есть Лето с огнем.

Танец багряный пьяных листов,
Яркие раны, ток холодов.
Осень, и вдовый покров.

Бархатный иней, синяя тьма,
Льдяности линий, тишь, терема,
Это царица Зима.

ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ

Однажды Бог печален был,
Упало много звезд,
Потоки слез, поток светил,
На Землю звездный мост.

Огни в разъявшейся Земле
Упали глубоко.
И снова светел Бог во мгле,
Ему теперь легко.

А слезы-звезды, в глубине,
Как зерна, проросли.
И светит ландыш при Луне,
В серебряной пыли.

Вся многозвездность Божьих дум
Как сад и лес взошла.
И нежен желтой нивы шум,
Как тихий всплеск весла.

БЕЛЫЙ ПРИЗРАК

Мерцаая белым, тихий Призрак явился мне в ночи,
И мне сказал, чтоб перестал я оттачивать мечи,

Что человек на человека устал идти войной,
И повелел мне наслаждаться безгласной белизной.

И я, свое покинув тело как белая душа,
Пошел с ним в горы, и увидел, что высь там хороша,
Вершины в небо восходили громадами снегов,
И были доли в бледном свете тех лунных маяков.

По склонам ландыши белели в неподвижности своей,
И много белых роз из снега, и белых орхидей,
Весь мир, одетый в этот лунный и звездный белый свет,
Был как единый исполинский мерцающий букет.

И все дела, и все мечтанья, где не было вражды,
Преобразились в снег, и в иней, и в вырезные льды,
Но сердце светлое не стыло, и знал весь мир со мной,
Что человек на человека устал идти войной.

ТИХАЯ ПОВЕТЕРЬ

Тихая поветерь в Белом дышит море.
Тихая поветерь. Можно плыть в просторе.
Мы моленье Ветру вслух произносили: –
Не сердчай. Дай льготу. Будь потише в силе. –
На Восток смотрели. Западу шептали.
Напекли блинов мы, наварили каши.
Бросили лучинки, и поплыли в вале,
За крестом лучинным. В ветре лодки наши.
Тихая поветерь, вей, Праматерь Моря,
Рыбарей баюкай, с бледными не споря.

РЫДАЛЬЩИЦА

Рыдальщица! Зачем рыдать?
Смотри на Море.
Была там буря, стала гладь.
И в тихом твой мертвец уборе.

Мертвец ли? Только он уснул.
Смотри на Море.
От вод идет растущий гул.
Все капли в громком разговоре.

ЗАЧЕМ

Зачем хотим мы вечности? Звучней ли мы волны?
Светлей ли в нежной млечности, чем тучка вышины?
Не надо, сердце жадное, в тебе чернеет кровь,
Не надо, чтоб ушедшее пришло и жило вновь.

Стремительность червонная, ты в мозг живущий шлешь
Свой алый звон, и шаткую, и сладко-злую, ложь.
И хочешь в упоительном так длительно звенеть,
Как будто в башнях Вечности не их, а наша медь.

О, нет, на башнях Вечности звучат колокола,
Но это звоны белые, вся кровь из них ушла,
Но это звоны звездные, а кровь упала вниз,
Коль хочешь в Вечность синюю, как иней серебрись.

Мгновенность неповторная лишь тем и хороша,
Что малыми песчинками играла здесь душа.
И только раз наш миг – алмаз, вот гаснет он, прощай.
В Весне всего прекраснее – что так проворен Май.

ОВАЛ

Если Море, замирая, вновь лишается покоя,
Если Море, камни строя и оттачивая их,
Бесконечностью движенья, строгим ритмом повторенья,
В их овалах означает свой овальный мерный стих,
Я, тая мечты земные, видя бухты вырезные,
Море! Море! – весь внимаю песне помыслов твоих.

МИРОВАЯ ПЫЛЬ

Мировая пыль Дороги млечной,
Драгоценный прах Дороги птиц,
Водопад легенды быстротечной,
Белое дрожание зарниц.

Золотая пыль ложбины звездной,
Звоны всей созвездной высоты, –
Для чего я брошен в мрак морозный,
Отвечатель светлый, где же Ты?

Я стою, забывши счет столетий,
Я стою, и зябну на посту,
Еще в Ветхом молвил Ты завете,

Что уронишь светоч в темноту.

Но с тех пор уж стал остывше-старым
Новый невосполненный завет,
Не согрет полночным я пожаром,
В звездную одежду не одет.

Караваном – тучи вслед за тучей,
Я в безгласном никну как ковыль,
Если ж вспыхнет диск звезды падучей,
Он, взорвавшись, падает как пыль.

ПОТУХШИЕ ВУЛКАНЫ

ПОТУХШИЕ ВУЛКАНЫ

Потухшие вулканы,
В стране агав и змей,
В веках вы были рдяны,
Во дни весны своей.
 Когда цари царили,
 И каждый царь был царь.
 Богам равнялись в силе.
 То было. Было. Встарь.
Возвысил пирамиду
Теотиуакан.
И храм людской, по виду,
Был огневой вулкан.
 Возвысил Храм Змеинный
 Узорчатый Уксмаль.
 Еще немой руиной
 С высот глядит он вдаль.
Лежат безгласно страны,
Сражавшие врага.
Потухшие вулканы
Окутались в снега.
 Погиб в Испанской петле
 Воитель Гватемок.
 На Попокатепетле
 Огням свершился срок.
Лишь след огнистой славы
Еще хранит светло
Внесенной Оризавы
Могучее жерло.

ТРИАДА

Знай. Люби. Свой дух избавь.
Трижды, в цельном, Мир прославь.
Целей в жизни только три,
В трех цветках сполна гори.

Детство – цветик голубой,
С золотистой бахромой.
Светом золота в те дни
Голубое оттени.

Юность – заревный расцвет,
Страстны ласки юных лет.
Красной сказке разум рад.
Раз ты юн, сорви гранат.

Третий, спелый, возраст твой
Снова полон синевой.
Но лазурный небосклон
Белой дымкой обрамлен.

Равноденствием души
В нем себя ты утиши.
День и Ночь уравновесь,
Мир твой цельным будет весь.

ЗАВЕТ ПИФАГОРА

Фимиам – Богам, курящийся,
Человеку же хвала.
О, мудрец, не зря мудрящийся,
Твой завет нам – как скала.

Быстро, с криками веселыми,
Побежим в сосновый лес,
В красный лес, богатый смолами,
Для святилищных завес.

Пред завесами цветистыми,
Что расписаны умом,
Встанет дым струями мглистыми,
Сладковейным вея сном.

Совершив обряды древние,
Песней чисел и светил
Душу сделаем напевнее,

Под бряцание кадил.

Мирозданием обрадован,
С пляской солнц вступая в лад,
Дух взнесется синим ладаном,
В Синь, святую восьмикрат.

В бездне вихрями овеянный,
И громами осиян,
Небом десять крат взлелеянный,
Будет дух и бел и рдян.

И в садах, где в сны пурпурные
Замывается мечта, –
И в горах, где дни безбурные
Множит в числах высота, –

И в морях, где мгла, бурунами,
Похваляется, вскипев, –
Златопевческими струнами
Пропоем мы наш напев.

Фимиам – Богам, курящийся,
Боговидцу же – хвала.
Твой завет, доныне длящийся,
Есть душистая смола.

ЧИСЛА

Ты знаешь: 8 есть число
Того, чье имя – Вечность.
Направь ладью, возьми весло,
Путь чисел – бесконечность.
Лик чисел – звездный небосвод,
Там числа в звездной пляске.
Растет их многозвездный счет,
Заданью нет развязки.
Задача чисел – тайну плесть,
Сквозную сложность сеток.
И 2, и 3, и 5, и 6
Суть вехи для отметок.
В веках раскинутое 7,
Во все концы 4,
Ведут к рассвету через темь,
К углам устоя в мире.
Сложи – и 8 пред тобой
Являет лик змеинный,
Как дух в пустыне голубой,
Над нашей дольной глиной.

Из глины – красный лик, Адам,
Двойкий образ – Ева.
Весь Мир есть сад, что отдан нам,
Направо и налево.
И восьминогий нам паук,
Чтоб лик являть загадок,
Из паутины создал круг,
Весь полный тонких радуг.

ЗНАКИ

Паук разметил паутинки, а мысль идет по ним до Бога,
Сплетя дрожанья тонких радуг в узоры вечного чертога.
Цветок цветет, чтоб светлой пылью в другом цветке скользнуть любовью,
Пчела же мед создаст из пыли, себя увив цветочной новью.
Случайный вздох ветров бродячих, мгновенный свет снежинки белой,
То путь мечты, свой миг вкусившей, и к бегу в Вечность – осмелелой.

ПРИБЛИЖАЯСЬ К АЛЕКСАНДРИИ

Заходящее Солнце уходило за Море,
Сердоликовый цвет в небесах был разлит.
И шумело мне Море в многопевном узоре: –
Вот ты прибыл в святую страну Пирамид.

Желтизна побережья отшумевшей столицы,
Где багряные сказки в столетьях зажглись.
Над преддверьем в Египет – длиннокрылые птицы.
Вот откроется Нил! Да, я твой, Озирис.

<1909-11>

НИЛ

Истоки безвестны, затеряны.
Породил их Эдем или Ад?
Жрецы не уверены.
Но один и другой водопад,
Но один и другой водоскат,
Прихотливости коих измерены,
Не велят возвращаться назад.
И пошли. От оазиса Южного
Все на Север, вперед и вперед,

Посвященные Братства содружного,
Средь пустынь, соколиный полет,
Лотоса чашечки синие,
Голубые, и белые, вот.
Папируса строгие линии,
Цветенье к молитве зовет.
Снежистость в горах Абиссинии
Растаяла, влага плывет.
Нил разлился, гудит и ревет.
Заплетитесь же все в хоровод.
Закружитесь. Мы в мире затеряны.
Все возможности численно смеряны.
От истоков до устья. Вперед!

ЕГИПЕТ

Страна, где нет ни гроз, ни грома,
В размерной смене тьмы и дня,
Ни молнебыстрого излома
Живого вышнего огня.

Страна без радуги окружной,
Что семикратно славит свет,
Твой край, и Северный, и Южный,
Однообразием одет.

Взнеслась безгласно пирамида,
Маяк для тысячи дорог.
Но ищет мертвого Изида,
И Озирис восстать не мог.

Восстал, но не живой для жизни,
А как властитель мертвецов.
И весь Египет – в вечной тризне,
Среди бесчисленных гробов.

ПОЛЯ ЕГИПЕТСКИЕ

Плавно, словно иноходец,
Скачет ослик. Путь далек.
Оросительный колодец
Ноет, воет, как гудок.

Два вола идут по кругу,
Все по кругу, без конца,
Век прикованы друг к другу,

Волей знойного Творца.

И в песчаные пространства
Дождь которых не кропил, —
Для зеленого убранства
Мутной влаги ссудит Нил.

Чтоб другие были сыты,
Чтоб во мне тупой был страх,
Мной пространства грязи взрыты,
Буду, был, и есмь феллах.

Темный, голый, червь надземный,
Пастью пашни взят и сжат,
Есмь, как был я, подъяремный,
Восемь тысяч лет назад.

ГДЕ Б Я НИ СТРАНСТВОВАЛ

Где б я ни странствовал, везде припоминаю
Мои душистые леса.
Болота и поля, в полях, от края к краю,
Родимых кашек полоса.

Где б ни скитался я, так нежно снятся сердцу
Мои родные васильки.
И в прошлое открыв таинственную дверцу,
Схожу я к берегу реки.

У старой мельницы привязанная лодка,
Я льну к прохладе серебра.
И так чарующе, и так узывно-четко,
Душа поет: «Вернись. Пора».

ПРЕКРАСНЕЙ ЕГИПТА

Прекрасней Египта наш Север.
Колодец. Ведерко звенит.
Качается сладостный клевер.
Горит в высоте хризолит.

А яркий рубин сарафана
Призывнее всех пирамид.
А речка под кровлей тумана...
О, сердце! Как сердце болит!

<1911>

РУБИЦЕ

Египет, рублище с роскошной бахромой,
Куда уводишь ты кораблик малый мой?

Зачем, о, царственный, в веках текущий, Нил,
В пустыню желтую меня ты заманил?

От скал Аравии до тех Либийских гор,
Мне мал – хоть скудному – воспетый твой простор.

От черной Нубии до Дельты голубой,
Не усладился я, разливный Нил, тобой.

Мне Море чудится, вспененным я рожден,
Я океанскою волной освобожден.

А суша мне тюрьма, оковны сонмы скал,
Я дома прочного нигде не воздвигал.

И не хочу я жить как тень средь верениц
Тяжелых пирамид, раскрашенных гробниц.

Покая не хочу жрецов богов-зверей,
Едва чего коснусь, лечу я прочь скорей.

Тысячелетия сомкнутые в звено,
Тысячекратный раз шумит веретено.

В тысячекратности молельный свет свечи.
Сознание яркое, мой дух отсюда мчи.

Что длилось, – рушилось. Что было, – то прошло.
Кораблик малый мой, раскрой свое крыло.

Я птица вольная. Я два крыла раскрыл.
И вьюсь, пою, смеюсь. Прощай, мне чуждый, Нил.

ОКО

Преступник, преступник, преступник вовек,
Убийца бегущих мгновений,
Ты презрил течение зиждительных рек,
Завет изумрудных растений,

Ты злой, ты напрасный, пустой человек,
Ты тень ускользающей тени.

Ты вспомнишь. Ты вспомнил. Минута зажглась.
Цветут эвкалипты молельно.
С лазури глядит укоризненный глаз.
Себя ты растратил бесцельно.
Что скажешь, как глянешь в торжественный час?
Пред Оком споешь ли свирельно?

Ищи волхвований. Чу, шепчет трава.
Дыханий ищи в эвкалипте.
Не сможет укрыться твоя голова
В какой-нибудь призрачной крипте,
В ту ночь, когда взвешены будут слова,
Как сказано, древле, в Египте.

НЕЛЮДИМ

Средь выжженной пустыни,
Что дном была морским,
Глядит в века, доньше,
Гигантский нелюдим.

Две каменные тени,
И в двух – единый он,
Создатель смутных пеней,
Рассветный дух, Мемнон.

Лишь ночи круг замкнется,
И дню придет черед,
Мемнон от снов проснется,
И призрачно поет.

Но лишь один, – хоть двое
Глядят и в свет и в тьму.
То пение живое
Дано лишь одному.

Другой глядит безгласно,
Не чувствуя огня.
Один же, полновластно,
Поет рожденье дня.

В те дни как было всюду
Течение вод морских,
Циклоны – изумруду
Слагали звучный стих.

И, тело созидая,
Вложили в тело крик,
Но встала тень немая,
Внимающий двойник.

И в теле крик, и пенье,
И страстная мечта.
Но с телом повторенье,
Двойник и немота.

Безгласна тень растений,
Хотя шумят леса.
Безгласен ряд видений,
Глядящих в небеса.

Кто нем, тот жизнь не славит,
Он только тень всегда.
Но лик он тот же явит
В великий день Суда.

В те дни как было всюду
Лишь Море без границ,
Оно свою причуду
Вложило в быстрых птиц.

Сковало все творенья
Законом двойника,
И, в Небо бросив пенье,
Умолкло на века.

И где была пучина,
Пустыня там и сплин,
И два там исполина,
И в этих двух – один.

Рожденье зорь он славит,
Другой молчит всегда.
Но лик он тот же явит
В великий день Суда.

ДВОЙНИК

Твой саван сияет, Египет,
Ты в белые ткани одет.
Мед жизни не весь еще выпит,
Есть в Солнце и взрывность и свет.

Еще в еженощные пляски
Созвездья уводят себя.

И мир до предельной развязки
Пребудет, бессмертье любя.

И девушку с ликом газели
Влюбленный светло обоймет,
И в этом ликующем теле
Возникнет чарующий мед.

Чу! Сириус нам возвещает,
Что прибыл разлив в Сильсилэ,
Качает река нас, качает.
Две кобры на царском челе!

ДВА ВЕНКА

То два венка, то два цветка, округлые венцы –
Две груди юные ее, их нежные концы.

На каждой груди молодой, тот кончик – цвет цветка,
Те два цветка, те два венка достойны жить века.

И так как бег столетий нам Искусством только дан,
И так как блеск столетий дан тому, кто чувством пьян, –

Тебя я замыкаю в стих, певучая моя,
Двух зорь касаясь молодых, их расцветчаю я.

И каждый кончик лепестка, мой поцелуй приняв,
Нежнее в цвете заревом, как свет расцветших трав.

И безупречный алебастр девических грудей
То две лампы светят мне на празднестве страстей.

Как кость слоновая – живот, и, торжество стиха,
Уводит грезу нежный грот, укрытый дымкой мха.

ОЖЕРЕЛЬЕ

На живой счастливой шее
 Было это ожерелье.
В опьяняющей затее
 Были двое. Хмель. Похмелье.
Милый к милой приникал.
 И в продление веселья
Приближал он к ней бокал.

В залюбованном дразненьи
Отдвигаясь от бокала
Вся светясь, как струны в пеньи,
Вся таясь, как зыбь опала,
Уклонялася она,
Но, маня, пред ней дрожала
Чаша полная вина.

Чаша счастья вырезная,
По бокам – разлитье Нила.
Солнце в сердце. Жизнь двойная.
Сказка. Слитность. Нежность. Сила.
Рот, как мед, ко рту приник.
Сердце видит, вспоминая,
Дан Изидой сердолик.

ЛЕВКАЙОНИЯ

Левкайония поцелуйная,
Ты взята лаской, как волной,
Ты вся как влага многоструйная,
И ты не можешь быть иной.
Века – твой храм. Ты вся зазывная.
Даешь себя – губам, рукам.
Змеиность страсти переливная,
Ты вызов бросила векам.
Поцеловав, не разучилась,
А научилась целовать,
И так любовь тобой пленилася,
Что сонм веков – твоя кровать.
Ты вся любовная симфония,
Священный танец живота,
Свершенной тайности гармония,
Стрелой пронзенная мета.
Кто был, кто был он, искусительный,
Кто эти губы целовал?
Кто эти ноги, в ласке длительной,
С своими бешено свивал?
Кто был, кто был он – в завершенности
Паденья в срывность вас двоих,
Что дал века твоей влюбленности,
Как мы в века бросаем стих?
Не я ли, в тех столетьях тающих,
Не я ль сгорел в сверканьях гроз, –
И вот слежу огни мерцающих
Твоих каштановых волос.

НЕБЕСНАЯ ДОРОГА

Белый Нил, Небесная Дорога,
Млечности созведные разлил.
А внизу, как дар Речного бога,
Голубой качает звезды Нил.

Где теперь царите, Фараоны?
Радостно ли в царстве двойника?
Те же ль там красивые уклоны
Делает священная Река?

Так же ль там Амен-Готеп четвертый,
Сердцем отдавая Солнцу дань,
Диск вознес, и Диск, светло простертый,
Устремляет солнечную длань?

Так же ль там вы ждете, чтобы узы
Сириус, всходя, разъял во мгле,
И прорвав, для пьянственности, шлюзы,
Нил, вскипев, шумел бы в Сильсилэ?

Так же ль Сестры любят там и Братья,
Так же ль нежно слиты Брат с Сестрой?
Знаю, знаю, все вы без изъятья
Слиты вместе, звезд пчелиный рой.

ВЕРНЫЙ

Я ведаю – Богов, людей, зверей, цветов –
Всю родословную.
И Солнцу посвятить покорность я готов
Беспрекословную.

Я ведаю – камней, и трав, и птиц, и снов –
Все свойства дивные.
Я знаю, как пропеть перед лицом Богов
Слова призывные.

Я знаю, что, когда восстал бесплодный Сэт
На Жизнедателя,
Для знаменья в веках – был вдруг загашен свет
Миросоздателя.

Растерзан Озирис. Четырнадцать частей
Повсюду кинуты.
Растерзанность есть путь для ищущих людей,
Что в мир низринуты.

Разрывы сопоставь, и, части распознав,
Спаяй конечности.
И покидай свой гроб, как стебель свежих трав,
Будь в Звездомлечности.

Аменти – все в лучах. Изида, не спеша,
Подходит стройная.
И колос рдеет вновь. И, взор во взор, душа
Глядит достойная.

ЕГИПЕТСКИЙ БОГ

Он восходит как солнечный луч,
Он сияет как Месяц, как ветер приходит,
Он как Нил свои воды из бездны выводит,
Он как вешняя птица певуч,
Он по воле своей
Возникает как зверь,
Как один из зверей,
Догадайся скорей,
Загляни ему в очи и верь,
Он как Апис, как утренний Гор,
Как овен, как Сэбек-крокодил,
Соколиный полет, дальнометящий взор,
Убаюкавший лотосы Нил,
Только в небе он был, только Солнцем он был,
Как шакал он скользит близ гробниц,
Где бы ты ни зажег благовонье кадил,
Где б пред ним ни повергся ты ниц,
Он с тобою как луч отдаленных светил,
И как знаемость глянувших лиц.

АМЕНТИ

В старинном саркофаге,
Замкнуты в стройный плен,
Слова безгласной саги,
Зеркальность перемен.

Египетские лица,
Воздушные тела.
Цветная вереница,
Вся жизнь, как была была.

Идут стада к ночлегу,

Растут колосья нив,
Хранит немую негу
Богатый их разлив.

Закатного пожара
Горят огни светло,
На всем застыла чара,
Все в сказку перешло.

Аменти, край предельный,
Колдует тишина,
И круг являет цельный
Огромная Луна.

ОЗИРИС

Новое Солнце, Новое Утро, Новый Месяц, и Новый Год,
Пламя из тучи, утро из ночи, серп серебристый, целующий рот.
Новое Солнце сегодняшней жизни, Новое Утро текущего дня,
Краешек мига – до краешка мига, Солнцу возженье земного огня.
Новое Солнце отметится светом Нового Года и Новой Луны.
Богу стелите безгрешные волны белой сотканной льняной пелены.
Новое Солнце, и Сириус с Солнцем утренней в небе восходит звездой,
Слезы Изиды, что пали алмазом, Нил отмечает растущей чертой.
Новое Солнце из кладезя Неба ринуло долу шумящий разлив,
В улье небесном гудящие пчелы нам возвещают шуршание нив.
Новое Солнце взманило побегу, цвет изумруда из мертвых темнот,
К колосу колос, и сердце до сердца, новой спиралью закрученный год.
Новое Солнце мы новою песней в новых одеждах восславить сошлись,
Лик воскресенья, зерно и цветенье, бог возрождающий, жив Озирис.

ОН ВРАЩАЮЩИЙ КОЛЕСО

Пятьсот голубоватых птиц
Летели, млея, чрез пространство,
Пятьсот слонов склонились ниц,
Узрев однажды постоянство, –

Души, отмеченной меж душ
Для утверждения покоя,
Кто меж людей единый муж,
Познавший ход страстей и зноя, –

Кто Майей был в саду рожден,
При ликованьи всех растений,
Кто был цветком сопровожден

В Страну, где мир без изменений, –

Кто был как лотос голубой,
И был как лотос нежно-белый,
Как лев недвижимый пред толпой,
Средь ужасов спокойно-смелый, –

Кто был как новая Луна,
В веках сверкающее Солнце,
В безмерном Море тишина,
И тихий лепет веретенца.

БЛАГОВЕСТИЕ

Тот, кто думает, что человек
может быть убийцей, и тот, кто думает,
что человек может быть убитым,
оба не знают ничего.

Бхагавадгита

Кто думает, что, убивая,
Он убивает, тот слепец.
Кто думает, что жизнь живая
В предельных ликах, тот слепец.
На миг напев свой прерывая,
Я начинаю в свой конец.

Кто думает, что в Мире слитом
Есть пропасть смерти, тот слепец.
Кто думает, что быть убитым
Конец есть жизни, тот слепец.
Века ходил я полем взрытым,
И из колосьев плел венец.

Что я, то я, и измененья
Суть только зрелища одежд.
Я прерываю праздник зренья,
Привет мой сну сомкнутых вежд.
Но тьма и ужас нисхожденья
Есть восхождение надежд.

Что я, то я, не разделяет
Игра оружия меня.
Вода меня не потопляет,
Я целен в бешенствах огня.
Что это правда, сердце знает,
И голос мой поет, звеня.

Кто думает, что, умирая,
Он умирает, тот слепец.
Кто думает, что жизнь, сгорая,
Не возгорится, тот слепец.
Я был в Аду, и в жажде Рая
Из свежих трав плету венец.

ДОСТОВЕРНОСТЬ

Тот же верный точный счет,
Знание точек и причин,
Мне вещают верный ход
От провалов до вершин.

Тот же верный точный счет
Говорит мне: Ты один,
Тот родится, кто умрет,
Чарой вечности причин.

И смотри: В выси темно,
В лунном царствии ущерб,
Вот и умерло зерно,
Все колосья срезал серп.

Но взгляни на вышину,
И взгляни перед собой:
Видишь, новую Луну
На лагуне голубой?

И взгляни на ширь полей,
И взгляни перед собой:
Как смеется меж стеблей
Василечек голубой.

ВЫШНИЕ ЗНАМЕНА

Глядишь ли ты в лазоревые дали
Ночных небес?
Шатры отшедших там, светлея, встали,
Лучистый лес.

Мы говорим – созвездие там Девы,
Стрельца и Льва.
Но там, в полях, растут свои посева,
Своя трава.

И каждый, кто с земным разъят мгновеньем,
Тот, ввечеру,
Зажжет свечу, и ставит, с означеньем,
Ее к шатру.

И знаменья тех свеч неисчислимых
Горят всю ночь,
Покуда Ночь, в своих глубоких дымах,
Уходит прочь.

И между тем как все земные свечи,
Сгорев дотла,
Оделись в мрак, – пресветлый лик предтечи,
Заря светла.

И свеч небесных гаснут вереницы.
Где все шатры?
Одна свеча властительной Денницы
Глядит с горы.

В ПЕЩЕРАХ ДРУИДИЧЕСКИХ

Я входил в пещеры темные,
Меж утесов, над рекой,
В углубленья их укромные
Я входил с моей тоской.

В ропот мраков, где отшельники,
Где вертеп, что в камень врыт,
Где слезливые капельники
Возращают сталактит.

Говорил во тьме с пещерником,
О превратностях души,
Был подземному придверником,
Громы чувствуя в тиши.

Переходы видел рытые,
Где рисунок без теней,
Развивал я судьбы свитые,
Понимал течение дней.

Бороздами – иссечения,
Слева вправо, полный ход,
И свеченье возвращения,
И чертеж наоборот.

Пашня рун, колосья знаками,
Дуги, взрывчатый потоп,

Клин-топор, игранье мраками,
Сказка крови, жизнь и гроб.

Атль-вода, узор зигзагами,
Змеи, вставшие жезлом,
Духи, шедшие оврагами,
В светомраке мировом.

Я читал их начертания,
Этих пращуров сих дней,
Дал им долю лучшей дани я
От живой души моей.

Но прикрыть это шлемное
Бранно-мыслящей Земли
Бросил, – бросил потаемное,
Сжег – к возврату – корабли.

Над подземностью вещающей,
Дух впивая свежих струй,
Я стою как жнец встречающий
Меж колосьев – поцелуй.

СКАЗКА О СЕРЕБРЯНОМ БЛЮДЕЧКЕ

И НАЛИВНОМ ЯБЛОЧКЕ

Жил мужик с женою, три дочери при них,
Две из них затейницы, нарядней нету их,
Третью же, не очень тароватую,
Дурочкою звали, простоватую.
Дурочка, туда иди, дурочка, сюда,
Дурочка не вымолвит слова никогда,
Полет в огороде, коровушек доит,
Серых уток кормит, воды не замутит.
Вот мужик поехал сено продавать.
«Что купить вам, дочки?» он спросил, и мать.
Старшая сказала: «Купи мне кумачу».
Средняя сказала: «Китайки я хочу».
Дурочка молчала, дурочка глядит.
«А тебе чего же?» отец ей говорить.
Дурочка смеется: «Мне купи, родной,
Блюдечко серебряно, яблок наливной».
Сестры насмеваются: «Кто дал тебе совет?»
«А старушка старая», дурочка в ответ.
«Стану я по блюдечку яблочком катать,
Стану приговаривать, стану припевать».
Близко ли, далеко ли, мужик в отлучке был,

Торговал на ярманке, гостинцев он купил.
Сарафаны красные у старших двух сестер,
Блюдечко да яблочко у младшей, – экой вздор.
Блюдечко серебряно дурочка взяла,
В уголок запряталась, смотрит, весела.
«Наливное яблочко, ты катись, катись,
Все катись ты посолонь, вверх катись и вниз.
Ты гори, показывай, как горит заря,
Города показывай, лес, поля, моря.
Ты катись, показывай гор высоту,
Ты катись, показывай Небес красоту».
Эти приговорные сказала ей слова
Старая старушка, – чуть была жива,
Дурочка дала ей калач, чтобы поесть,
А старушка: – слово, в слове слов не счесть.
Катится яблочко по блюдечку кругом,
Катится яблочко, и ночь идет за днем,
Видны на блюдечке поля и города,
Зори златистые, серебряна звезда,
Вон корабли, закачались на морях,
Царские полки на бранных на полях,
Солнышко за солнышком катится,
Темный лес, как темный зверь, мохнатится,
Звезды хороводами, звездится в Небе гладь,
Диво-то, красиво-то, пером не написать.
Сестры загляделись, зависть их берет:
«Как бы это выманить? – Подожди, придет»,
«Душенька-сестрица, в лес по ягоды пойдем,
Душенька-сестрица, земляники наберем».
Дурочка блюдечко отцу отдала,
Встала, оглянулась, в лес она пошла.
С сестрами бродит. Леший сторожит.
«Что это, заступ острый тут лежит?»
Вдруг злые сестры взяли заступ тот.
Вырыли могилу. Чей пришел черед?
Дурочку убили. Березка шелестит.
Дурочка в могилке под березкою спит.
Белая березка. Леший сторожил.
Он на травку дунул, что-то в цвет вложил.
Выросла тростинка, тростинку шевельнул,
И пошел по лесу. Шелест, шорох, гул.
«Дурочка-то где же?» говорит отец.
« – Дурочка сбежала. Из конца в конец
Лес прошли мы, снова обошли его.
Видно, волки съели. В лесе никого».
Кто-то был там в лесе. Сестры, сестры, жди.
Кто-то есть там в лесе. Что там впереди?
«Все же дочь, хоть дурочка». Заскучал отец.
Яблочко и блюдечко он замкнул в ларец.
Сестры надрываются. Только сказка – скок.
Вдруг переменяется, сделала прыжок.
Водит стадо пастушок,

Он играет во рожок,
Размышляет про судьбу,
На заре трубит в трубу.
Он овечку потерял,
Нет ее, есть цветик ал.
Он заходит во лесок,
Под березкой – бугорок.
И цветы на бугорке,
Словно в алом огоньке.
И лазурь за тот же счет,
И тростинка там растет.
Вот тростинку срезал он,
Всюду зов пошел и звон.
Диво-дудочка поет,
Разговаривает:
Звон-тростиночка поет,
Выговаривает: –
«Ты тростиночка, играй,
Диво-дудочка, играй,
Ты игрою
Разливною
Сердцу милых потешай,
Мою матушку,
Света-батюшку,
И сестриц родных моих,
Не сужу я строго их,
Что за яблочко,
Что за блюдечко,
Что за яблок с свету сбыли,
Что за блюдце загубили,
Ах ты дудочка,
Диво-дудочка,
Ты играй, ты играй,
Ты всех милых потешай».

Люди тут сбежались. «Ты про что, пастух?»
А пастух ли это размышляет вслух.
Он тростинку срезал, кто-то в ней поет.
Для кого-то в песне, может быть, расчет.
«Где была тростинка?» Тут, недалеко.
«А давай, посмотрим, что там в бугорке».
Бугорок разрыли. Так. Лежит она.
Кем была убита? Кем схоронена?
А тростинка шепчет, а цветок горит,
Березка шуршит, разговаривает.
Дудочка запела, поет-говорит,
Поет-говорит-выговаривает: –
«Свет мой батюшка,
Светик-матушка,
Сестры в лес меня зазвали,
Земляничкой заманили,
И за блюдечко – связали,

И за яблочко – убили,
Погубили, схоронили,
В темной спрятали могиле,
Но колодец угловой
Со водою есть живой,
Есть колодец, дивный, он
На скрещеньи всех сторон,
Вы живой воды найдите,
Здесь меня вы разбудите,
Хоть убита, я лишь сплю,
А сестриц не погубите,
Я сестриц родных люблю».

Скоро ли, долго ли, колодец тот нашли,
Царь был там, Солнышко, и все к Царю пришли.
Дурочку, умночку, вызволили, вот.
Вышел Царь-Солнышко, в дворец ее зовет.
«Где ж твое блюдечко и с яблочком твоим?
Дай усладиться нам сокровищем таким».
Ларчик берет она тут из рук отца,
Яблочко с блюдечком, явиться из ларца.
«Что ты хочешь видеть?» – «Все хочу, во всем».
Блюдеце – как лунное, и яблочко на нем.
Яблочко – солнечно, и красно как заря,
Вот они, вот они, леса, поля, моря.
Яблочко катится по блюдечку, вперед,
День начинается, и алый цвет цветет.
Воинства с пищалями, строй боевой,
Веют знаменами, гудят стрельбой, пальбой.
Дым словно облаком тучу с тучей свил,
Молнию выбросил, и все от глаз сокрыл.
Яблочко катится, и Море там вдали,
Словно как лебеди столпились корабли.
Флаги и выстрелы, и словно сумрак крыл,
Дым взвился птицею, и все от глаз сокрыл.
Яблочко катится, и звездный хоровод,
Солнышко красное за солнышком плывет,
Солнышко с Месяцем, и красных две Зари.
«Яблочко с блюдечком отдашь ли мне?» – «Бери.
Все тебе, все тебе, солнечный наш Царь,
Только сестер моих прости ты, Государь.
Яблочко с блюдечком – тебя пленив – для них,
Сколь же заманчиво!» – На том и кончим стих.

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>